DOI: 10.31860/978-5-918680-384-383-432

ПЕРЕПИСКА Ф. Д. КРЮКОВА С СОТРУДНИКАМИ И КОРРЕСПОНДЕНТАМИ ЖУРНАЛА «РУССКОЕ БОГАТСТВО» (1905—1915 гг.)

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. В. Дубровского)

Аннотация: Публикуемая переписка «первого певца Тихого Дона» Ф. Д. Крюкова с сотрудниками и корреспондентами журнала «Русское богатство» за 1906—1907 и 1915 гг. приоткрывает малоизвестные страницы биографии самого Федора Дмитриевича. Наибольший интерес представляют шесть писем Крюкова к А. И. Иванчину-Писареву из станицы Глазуновской, куда он вернулся после подписания знаменитого «Выборгского воззвания». В этих письмах он сообщает о созыве Думы с учредительными функциями, но вместе с тем и упоминает о черносотенной пропаганде, которая «разлилась» в низовых Донских округах. Интерес к революционной литературе соседствует в это время у него с собственными литературными замыслами и подготовкой сборника рассказов «Казацкие мотивы».

Следующий блок писем Крюкова относится уже гораздо более позднему периоду, когда он окончательно утверждается как редактор «Русского богатства». Письма Ф. Д. Крюкова дополняют обращенные к нему письма других корреспондентов: А. Лукьянова, И. Малютина, А. Серафимовича и др., относящиеся преимущественно к 1909, 1912 и 1913 гг.

Ключевые слова: Ф. Д. Крюков, «Русское богатство», издательская практика.

Abstract: The published correspondence of the «first singer of the Quiet Don» F. D. Kryukov with the staff and correspondents of the magazine *Russian Wealth* for 1906—1907 and 1915 reveals little-known pages of the biography of Fyodor Dmitrievich himself. Of the greatest interest are six letters of Kryukov to A. I. Ivanchin-Pisarev from the village of Glazunovskaya, where he returned after signing the famous *Vyborg Proclamation*. In these letters, he reports on the convocation of the Duma with constituent functions, but at the same time mentions the black-hundred propaganda that has «spread» in the lower Don districts. At this time, his interest in revolutionary literature is side by side with his own literary plans and the preparation of a collection of short stories *Cossack Motives*.

The next block of Kryukov's letters belongs to a much later period, when he was finally confirmed as the editor of *Russian Wealth*. The letters of F. D. Kryukov complement the letters addressed to him by other correspondents, A. Lukyanov, I Malyutin, A. Serafimovich, etc., relating mainly to 1909, 1912 and 1913.

Keywords: F. D. Kryukov, magazine *Russian Wealth*, editoring.

© Дубровский А. В., 2023

Обычно имя Федора Крюкова вспоминается в контексте разговоров и споров об авторстве романа «Тихий Дон». О нем говорят и как об одном из возможных (со)авторов романа, и как о писателе, чьи материалы так или иначе могли быть использованы М. Шолоховым при работе над казачьей эпопеей. О том, что в рассказе «Шульгинская расправа» Ф. Крюкова, опубликованном в октябрьской книжке «Исторического вестника» за 1894 г. (с. 653—677), уже проигран сюжет казака (будущего шолоховского Григория Мелехова), участвующего в карательной экспедиции против донского казачества, но прощенного восставшими станичниками. И о том, что песня, которую поют шульгинские казаки у Крюкова перед восстанием («Ой, да чем наша славная земелюшка распахана...»), станет позже эпиграфом к «Тихому Дону».

В настоящее время достаточно подробно воссоздана биография Ф. Д. Крюкова, хотя по-прежнему в ней остается немало белых пятен. Конечно, основной, интригующей и его исследователей? и просто читателей загадкой остается финал его жизни: его загадочная смерть и история утраты (потери, кражи?) его рукописей. Воссозданы и начальные страницы биографии того, кого на Дону называли «совестью казачества», «Гомером казачества», «первым певцом Тихого Дона», описывавшего жизнь не придуманную, но у которого все «настоящее», «трепещет живое, как выдернутая из воды рыба», как писал ему в одном из писем Серафимович.[1]

Гораздо менее известен срединный период жизни и творчества Крюкова, когда он, избранный членом Государственной Думы 1-го созыва от казачьего населения Донской области (Дума просуществовала всего 72 дня, с 27 апреля (10 мая) по 9 (22) июля 1906 г.), подписывает на следующий день после ее роспуска 10 (23) июля 1906 г. в городе Выборге в гостинице «Бельведер» знаменитое «Выборгское воззвание», обращенное к «Народу от народных представителей».[2] Возвратившись. уже после ее роспуска в свою родную казачью станицу Глазуновскую Усть-Медведицкого округа земли Всевеликого войска Донского, он ведет активную политическую работу. В июле 1907 г. в станице Глазуновской он был обвинен в «революционной пропаганде», его дом обыскали, а в августе распоряжением наказного атамана Крюков был выслан за пределы Области войска Донского. Редчайший в российской истории случай ссылки из провинции в Петербург оказывается для Крюкова серьезным испытанием, поиском места работы, заканчивающимся его сближением с редакцией народнического журнала

[1] Переписка между Ф. Д. Крюковым и А. С. Серафимовичем / вступ. статья, подгот. текста и коммент. В. М. Проскурина // Волга. 1988. № 2. С. 149. Оригинал письма: Дом русского зарубежья им. А. И. Солженицына, ф. 14, оп. 2, д. 78.

[2] 16 (29) июля против подписавших «Воззвание» бывших членов Государственной думы было начато уголовное преследование: 167 бывших депутатов были преданы суду Особого присутствия Санкт-Петербургской судебной палаты.

«Русское богатство», соиздателем которого он становится в 1912 г. И соредактором Короленко по отделу прозы.

Вместе с тем эти годы ознаменованы для Крюкова активной литературной деятельностью, которая в определенной степени подпитывает и его политическую деятельность. Так, публикации своего рассказа «Встреча» в журнале «Русское богатство» он радуется как тому, что «может сослужить даже некоторую службу в предстоящей выборной кампании (в наших местах меня охотно читают)» (письмо от 1 дек. 1906 г.).

Представленный в данной публикации корпус писем самого Крюкова относится на самом деле к двум периодам. Периоду 1906—1907 гг., когда из родной станицы он адресует письма А. И. Иванчину-Писареву (1849—1916), деятелю народнического движения, с 1892 по март 1913 г. работавшему в редакции журнала «Русское богатство».

Первое из публикуемых писем, датированное 22 авг. 1906 г., относится уже к периоду после роспуска Государственной думы. Положение Крюкова в это время двойственное: с одной стороны, как он утверждает в письме, в станице он чувствует себя в безопасности: «всякая попытка арестовать меня встретит ожесточенный отпор. <...> Гарнизоны здесь составлены из казачьих частей и ни одного выстрела ими не было сделано».

Положение дел в Усть-Медведицком округе представляется ему в это время «вполне удовлетворительным» («если бы хоть приблизительно то же было и в остальной России, что здесь, то успех освободительного движения в какой угодно форме был бы обеспечен»). Своему корреспонденту он сообщает о «приговорах о скорейшем созыве Думы с учредительными функциями», но вместе с тем и упоминает о черносотенной пропаганде, которая «разлилась» в низовых донских округах.

Казалось бы, литература в это время его интересует в основном революционная: он просит Иванчина-Писарева присылать ему «воззвания к армии и флоту и воззвания к казачьим войскам, задает вопрос о положении дела народно-социалистической партии и лишь в конце письма делает приписку, касающуюся его собственных литературных замыслов. Последние касаются нового сборника рассказов, который он намеревается назвать «Казацкие мотивы», полагая, что ранее написанные им очерки «На тихом Дону» «устарели и требуют значительных дополнений и коренной переделки».

Собственно, это и следующее письмо Крюкова тому же корреспонденту, датированное 23 октября 1906 г., фиксирует момент, когда всерьез начинается сотрудничество Крюкова с журналом «Русское богатство»: помимо сборника рассказов он посылает Иванчину-Писареву рукопись рассказа «Встреча», просит передать ее на рассмотрение П. Ф. Якубовича или В. Г. Короленко в надежде, что она «подойдет

для “Рус<ского> Бог<атства>”» («Вымышленного в моем рассказе нет ни полслова»).

О том, что в литературном мире он чувствует себя пока еще весьма неуверенно, свидетельствует его вопрос, «где бы <...> можно было тиснуть» рассказ, если для журнала он не подойдет: ни одной знакомой редакции газеты у него пока нет.

То, что Крюков сообщает Иванчину-Писареву о положении дел в станице, о работе его кружка, который потерпел разгром («человечка три попали в тюрьму, преданных нам лиц из персонала правлений выгнали, <...> двух офицеров, деятельных членов кружка, услали в первоочередные полки до истечения срока их льготы), о посулах местного начальства отдать казакам «не только войсковые, но и частновладельческие земли», выселив всех “русских” (иногородних) из пределов области», о населении, «которое бродит сейчас в большом недоумении», о мобилизованных полках, из которых «казаки десятками убегают» «и возвращаются по собственному усмотрению, или совсем не возвращаются», — все это, помимо собственно исторического интереса, представляет собой очевидный историко-литературный интерес, с очевидностью коррелируя, а где-то и проясняя те события, что будут затем описаны в романе «Тихий Дон» (вне зависимости от того, кого мы будем считать его автором).

Собственно, сам Крюков пишет, как он сообщает корреспонденту, о настроении казаков рассказ. А также «Небольшую статейку о казаках» для газеты «Трудовой Народ».

Лейтмотив его писем 1906 г. — «нет оснований для пессимизма. Лично я, по крайней мере, гляжу в будущее с упованием», «мы в будущее (не очень близкое, но и не самое отдаленное) смотрим с упованием» (см. с. 000 и 000 наст. изд.).

По-видимому, в конце ноября Крюков получает от Иванчина-Писарева известие о том, что книга его рассказов «Казацкие мотивы» будет напечатана издательским домом «Русское богатство». «Когда-то, очень давно, когда я был еще студентом историко-филологического института, — пишет он в благодарственном письме от 1 дек. 1906 г. — я мечтал, останавливаясь перед витринами книжных магазинов, о том, как хорошо бы, если бы на какой-нибудь из выставленных книг я увидел бы свое имя... Соблазнительная была мечта и утопическая! И вот теперь она, благодаря Вашему доброму содействию, сбывается, и я по-детски рад и особенно рад тому, что литературные грехи мои выходят под высокочтимым мною флагом “Русского Богатства”».

На Святках, как Крюков сообщал в начале декабря Иванчину-Писареву, он собирался быть в Петербурге. Но уже из следующего его письма от 26 янв. 1907 г. явствует, что в Петербург на Святках он не поехал, поскольку решил провести избирательную кампанию в своем округе. В начале 1907 г. его письма еще исполнены эйфории: «Без всякой похвальбы можно сказать, что мы одолели. Не знаю точно, ка-

ковы результаты выборов во всей области, но думаю, что они благоприятнее для левых, чем в прошлый раз.

Настроение населения — превосходное. Жить здесь сейчас очень интересно...»

Впрочем, вслед за тем следует приписка: «...но... все-таки надо искать заработка. Предлагают мне службу в частной гимназии в Н.-Александрии (“по вольному найму”). Ничего более подходящего. Скрепя сердце, думаю поехать. Сперва всё-таки решил понюхать, чем пахнет в Питере».

Политическая ситуация на Дону, как явствует из писем, существенно меняется к середине лета 1907 г. А вместе с ней меняется и тон писем Крюкова. Теперь он уже сообщает, что «протест на словах — сильный, но... на словах...», «выясняется склонность к бойкоту выборов». Но главное — случившийся с ним обыск: «Существенного ничего не нашли, но забрали рукописи (в числе прочих бумаг), из коих более всего жаль одного военного рассказа. <...> Думаю, что уцелею, а впрочем, с уверенностью ничего сказать не могу» (письмо от 9 июля 1907 г.).

А 10 августа он уже сообщает о том самом предписании наказного атамана — немедленно выехать за пределы Донской области, которое собственно и стало новым этапом его биографии. «Местожительством» он избирает Петербург и уже непосредственно к Иванчину-Писареву обращается с просьбой найти «работишки» к его приезду: «...а то положение аховое. При обыске захватили и рукописи, — теперь сижу безо всего, как рак на мели».

Последующие публикуемые в данном разделе письма, относящиеся к 1907 г., обращены уже не к Иванчину-Писареву, а к М. К. Лемке. Активные поиски Крюковым работы происходят на фоне провидимых им в отношении него репрессий. «До разбора дела о Выборгском воззвании (т. е. до казенных хлебов) еще не близко, и я не знаю, куда деться», — пишет он Лемке. А в декабре 1907 г. Петербургская судебная палата действительно приговаривает Крюкова, как и других депутатов, подписавших «Выборгское воззвание», к трехмесячному заключению. Срок он отбывал в петербургских «Крестах» в мае—августе 1909 г., после чего, лишенный возможности вернуться к педагогической деятельности, служил до 1912 г. помощником библиотекаря в Горном институте.

Следующий блок писем Крюкова относится уже к гораздо более позднему периоду, а именно к 1915 г., когда он окончательно утверждается как редактор «Русского богатства», выходившего с 1914 до марта 1917 г. под названием «Русские записки» (товарищем-соиздателем «Русского богатства» Крюков был избран в ноябре 1909 г.). Среди этих писем, которые Крюков в качестве редактора адресует потенциальным и реальным авторам журнала, особый интерес представляет его письмо к Н. С. Русанову, старому народовольцу, бывшему с 1914 г.

главным редактором журнала «Русские записки». Обсуждение с ним журнальных дел и присланных в редакцию журнала рукописей (среди них — рассказ «Панна Теофилия» А. Даманской, «скучный, сырой, но приличный», как его характеризует Крюков; рассказ в итоге был опубликован в «Русском богатстве» в ноябрьском номере того же года) заканчивается на печальной ноте: «Я за время пребывания в Глазуновке не написал ни строки. С завтрашнего дня сажусь. Но никакого заряда нет. Дела плохи, лишь вздыхаем. Пять дней назад получено предписание приготовить к мобилизации годы присяги (призыва) до 1886-го включительно. Я присягал царю отечеству в 1889-м году, значит — вхожу в наряд. Скоро ли прикажут нам явиться на сборные пункты — неизвестно. Надо думать, что не ранее, чем месяца через два, потому что на сборных местах войска еще много, ждут отправки». В ноябре 1915 г. в должности помощника думского уполномоченного при 3-м имени Государственной думы санитарном отряде Красного Креста Крюков выехал на Галицийский фронт.

В дополнение к письмам Ф. Д. Крюкова в настоящем издании также публикуются обращенные к нему письма других корреспондентов, относящиеся преимущественно к 1909, 1912 и 1913 гг. В отличие от писем самого Крюкова, они расположены не в хронологическом порядке, а по адресатам.

ПИСЬМА Ф. Д. КРЮКОВА РАЗНЫМ ЛИЦАМ

1. А. И. Иванчину-Писареву[1]

Станица Глазуновская О<бласти> В<ойска> Д<онского>[2]
22-го августа 1906 г.

Многоуважаемый Александр Иванович.

На днях зайдет к Вам мой брат[3] и расскажет о положении дел в Усть-Медведицком округе Донской области. В общем, положение здесь вполне удовлетворительное и если бы хоть приблизительно то же было и в остальной России, что здесь, то успех освободительного движения в какой угодно форме был бы обеспечен. Чувствую я себя здесь в совершенной безопасности, так как уверен, что всякая попытка арестовать меня встретит ожесточенный отпор. Все политические арестованные в наших местах были освобождены посредством взятия в плен местных властей в виде заложников. Гарнизоны здесь составлены из казачьих частей, и ни одного выстрела ими не было сделано. Часть офицеров вошла в наш союз, часть сочувствует; не сочувствующие робко прячутся. Митинги идут здесь беспрепятственно. Станичные и волостные сходы поставляют приговоры о скорейшем созыве Думы с учредительными функциями. К сожалению, в низовых Дон-

ских округах широко разлились черносотенная пропаганда, которая здесь носа показать не смеет.

У нас чувствуется недостаток в литературе — в особенности революционной. Небольшие средства у нас есть, но куда обратиться, — не знаем. Если бы Вы могли нам сделать указание на сей счет, мы были бы чрезвычайно благодарны. Требуется хоть сотня, а если можно, то и больше Выборгского воззвания.[4] Если найдутся воззвания к армии и флоту и воззвания к казачьим войскам (казачьей группы членов гос. думы), то будьте добры прислать. Адрес сообщит Вам мой брат. В каком положении дела народно-социалистической партии?

Мой брат занесет Вам те мои рукописи, об издании которых я помышлял. Если у Вас найдется время, будьте добры посмотреть их и решить по своему усмотрению, стоит ли издавать их или нет. Очерки «На тихом Дону» устарели и требуют значительных дополнений и коренной переделки[5]. Над этим я думаю позаняться, когда у меня будет свободное время от текущих дел (а его почти и нет). Если, паче чаяния, Вы признали бы стоящими издания мои рассказы, то заглавие я предполагаю такое: «Казацкие мотивы». Рассказы Ф. Крюкова. Порядок их размещения укажет брат.

Мой нижайший поклон всей Вашей редакции. Крепко жму Вашу руку и желаю Вам всего наилучшего.

Искренне уважающий Вас

Ф. Крюков.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, ед. хр. 241, л. 1—2 и далее см.: А. Дубровский, А. Чернов «Шесть писем Федора Крюкова к Александру Иванчин-Писареву». URL: https://wp.me/p2IpKD-4hJ (дата обращения: 12.11.2023). *Иванчин-Писарев Александр Иванович* (1849—1916) — журналист, деятель народнического движения. С 1892-го по март 1913 г. работал в редакции журнала «Русское богатство»; с 1912-го по август 1914 г. — один из редакторов народнического журнала «Заветы».

[2] Казачья станица Глазуновская Усть-Медведицкого округа земли Всевеликого войска Донского — родина Ф. Д. Крюкова.

[3] *Крюков Александр Дмитриевич* — младший брат Федора Дмитриевича, закончив в Орле гимназию с серебряной медалью, служил лесоводом в Брянске. Трагически погиб в 1918 или 1920 г. По одной версии, замучен сотрудниками ЧК слободы Михайловка из-за широкой популярности старшего брата; по другой — был расстрелян красноармейцами на железнодорожной станции ввиду своего благородного происхождения.

[4] «Выборгское воззвание» — обращение к «Народу от народных представителей», подписанное значительной группой депутатов Государственной думы первого созыва через 2 дня после ее роспуска указом Николая II. Воззвание призывало к гражданскому неповиновению правительству.

[5] Очерки Крюкова «На тихом Дону (Летние впечатления и заметки)» были опубликованы в «Русском богатстве» (1898. № 8. С. 36—59; № 9. С. 120—138; № 10. С. 111—154).

2. А. И. Иванчину-Писареву[1]

Станица Глазуновская.
23-го октября 1906 г.

Многоуважаемый Александр Иванович.

Обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбой: прилагаемую при сем рукопись[2] передать на рассмотрение Петра Филипповича[3] или Владимира Галактионовича,[4] или кого это касается. Если она подойдет для «Рус<ского> Бог<атства>» — я буду очень рад; если не подойдет, то передайте ее моему брату, который зайдет за ответом, и посоветуйте, где бы ее можно было тиснуть. На мой взгляд, она больше подходит для газетного фельетона, но у меня нет ни одной знакомой редакции газеты, а посылать так, на «авось», — не хочется. Вымышленного в моем рассказе нет ни полслова. Занимаемся здесь пока «малыми делами». В августе работа шла бойчее, но с усилением здесь гарнизона и сыска, пришлось сократиться. Некоторый разгром, хотя и не столь страшный, пришлось потерпеть нашему кружку: человечка три попали в тюрьму, преданных нам лиц из персонала правлений выгнали (это был самый полезный для нас народ) и двух офицеров, деятельных членов кружка, услали в первоочередные полки до истечения срока их льготы. Однако духом не падаем и количество работников у нас даже прибавилось.

Местное начальство в борьбе с нами вступило, кроме обычных путей, на путь посулов характера ультра-революционного: казакам обещают не только войсковые, но и частновладельческие земли, а также выселения всех «русских» (иногородних) из пределов области. Все посулы завершаются, конечно, увещанием не верить агитаторам. Обласканное начальством (теперь начальство стало необычайно ласковым) население бродит сейчас в большом недоумении. Мы теперь заняты своеобразной «легальной» деятельностью: всюду составляем приговоры о земле в смысле этих посулов. Конечно, начальство похерит все эти приговоры, но нам пока большего не нужно. В мобилизованных полках, по-видимому, дело обстоит не особенно гладко: казаки десятками убегают из полков домой и возвращаются по собственному усмотрению, или совсем не возвращаются. В 3-м сводном (в том самом, в котором состоял знаменитый Аврамов)[5] недавно целая полусотня отдана под суд. Единственно, что мешает казакам (по их словам) сделать что-нибудь существенное для выражения протеста, это то, что они разбросаны по губерниям полусотнями и взводами, постоянно перетасовываются и не успевают выработать определенного общего плана. Кроме того есть в их среде шпионы и доносчики из их же братии, но это, по их заявлению, не столь существенно. Главное — разобщенность и невозможность сношений.

В общем тихо, но нет оснований для пессимизма. Лично я, по крайней мере, гляжу в будущее с упованием.

О настроении казаков (не в самый последний момент, а так с год назад) пишу рассказ, но не вполне им доволен и еще с месяц поработаю над ним. Небольшую статейку о казаках хотел бы написать для «Трудового Народа»,[6] но не знаю, когда это сделаю.

Не хватает у нас здесь литературы. Собираем некоторую сумму для трудовой партии и намерены присоединить просьбицу о партийной литературе.

Передайте мой низкий поклон всем членам редакции «Рус<кого> Бог<атства>. Если бы у Вас нашлось время, многоуважаемый Александр Иванович, — черкнуть мне слова два, — я был бы Вам чрезвычайно благодарен. Адрес: Глазуновская станица Дон<ской> обл<асти>. Писем на почте здесь не читают. Все присылаемое до сих пор получал аккуратно.

Жму Вашу руку, желаю Вам всего наилучшего. Искренне уважающий Вас

Ф. Крюков

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, ед. хр. 241, л. 3—4.

[2] Крюков имеет в виду рукопись рассказа «Встреча».

[3] П. Ф. Якубович.

[4] В. Г. Короленко.

[5] *Аврамов Петр Федорович* — есаул 3-го Сводного Донского казачьего полка Старогригорьевской станицы. Обвиненный в надругательстве над террористкой Марией Спиридоновой, был убит эсерами 21 марта (3 апр.) 1906 г.

[6] «Трудовой Народ» — ежедневная газета, являвшаяся органом трудовой группы, выходившая в Петербурге с 15 (28) марта по 4 (17) апр. 1907 г., под редакцией члена Государственной думы В. А. Беляева. После закрытия была заменена «Народной Правдой». Крюков входил в состав трудовой группы.

3. А. И. Иванчину-Писареву[1]

Станица Глазуновская О<бласти> В<ойска> Д<онского>
1-го декабря — 06 г.

Многоуважаемый Александр Иванович.

Глубоко благодарен Вам за Вашу любезную заботу о книжке моих рассказов. Когда-то, очень давно, когда я был еще студентом историко-филологического института,[2] я мечтал, останавливаясь перед витринами книжных магазинов, о том, как хорошо бы, если бы на какой-нибудь из выставленных книг я увидел бы свое имя... Соблазнительная была мечта и утопическая! И вот теперь она, благодаря Вашему доброму содействию, сбывается, и я по-детски рад и особенно рад тому, что литературные грехи мои выходят под высокочтимым мною флагом «Русского Богатства». Не сумею Вас поблагодарить, как следует, дорогой Александр Иванович, за доставленную мне радость.

Насчет «Встречи» я, разумеется, вполне полагаюсь на Ваше усмотрение. Я и не предполагал, что этот рассказ так скоро пойдет в печать.[3] А теперь он может сослужить даже некоторую службу в предстоящей выборной кампании (в наших местах меня охотно читают).

У нас здесь дела идут не дурно, особенно в последнее время. Растет сознание и интерес к политике. В прошлом году у нас в это время было совсем тихо и темно, несмотря на то, что в остальной России революция достигла своего кульминационного пункта. Теперь казаки сделали огромный шаг вперед. Усть-Медведицкий округ теперь, без преувеличения, одно из самых серьезных мест в России по революционному настроению. Мы теперь делаем попытку вклиниться в очень реакционный округ — Хоперский. Работа идет медленно, но верно, и я думаю, что за год тут многое переменится.

Офицеры, примыкающие к нашей группе, деятельно работают над вопросами своей специальности, и вообще мы в будущее (не очень близкое, но и не самое отдаленное) смотрим с упованием.

Думаю на Святках быть в Петербурге.

Передайте мой нижайший поклон Владимиру Галактионовичу,[4] Николаю Федоровичу,[5] Петру Филипповичу,[6] Алексею Васильевичу,[7] Венедикту Александровичу[8] и вообще всей редакции «Русского Богатства».

Еще раз глубоко благодарю Вас, дорогой Александр Иванович, за Вашу трогательную заботливость обо мне. Крепко жму Ваши руки и остаюсь искренне Вас уважающий и сердечно преданный

Федор Крюков.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, ед. хр. 241, л. 5—6.

[2] Крюков окончил Императорский Санкт-Петербургский историко-филологический институт по разряду истории и географии.

[3] Рассказ Крюкова «Встреча» был опубликован в журнале «Русское Богатство» (1906. № 11).

[4] В. Г. Короленко.

[5] Н. Ф. Анненский.

[6] П. Ф. Якубович.

[7] А. В. Пешехонов.

[8] В. А. Мякотин.

4. А. И. Иванчину-Писареву[1]

Станица Глазуновская. 26-го января 1907 г.

Многоуважаемый Александр Иванович.

Я получил вчера посылку с «Казацкими мотивами». Сперва даже глазам не верилось: Боже мой, неужели это — моя книга? — Моя: на

самом верху полностью имя автора — Ф. Крюков[2]... И радостно, и жутко: как-то встретит ее публика? Целый рой предположений, ожиданий, опасений... А сегодня уже поостыл и взираю на нее спокойным оком.

Не сумею достаточно поблагодарить Вас, дорогой Александр Иванович, за Ваши хлопоты по изданию книжки. Думаю числа 1-го или 2-го февраля быть у Вас лично и принести Вам мою самую глубокую, самую искреннюю благодарность. Предполагал поехать в Петербург на Святках, но решил провести избирательную кампанию в своем округе и остался.[3]

Без всякой похвальбы можно сказать, что мы одолели. Не знаю точно, каковы результаты выборов во всей области, но думаю, что они благоприятнее для левых, чем в прошлый раз. Усилия администрации, кажется, всюду терпят поражение. Настроение населения — превосходное. Жить здесь сейчас очень интересно, но... все-таки надо искать заработка. Предлагают мне службу в частной гимназии в Н.-Александрии («по вольному найму»).[4] Ничего более подходящего. Скрепя сердце, думаю поехать. Сперва все-таки решил понюхать, чем пахнет в Питере. А здесь, у нас, дело налажено очень недурно, и в надежных руках, так что в моем дальнейшем проживании в родных местах нет особой настоятельности.

До свидания, дорогой Александр Иванович. Мой поклон редакции «Русского Богатства». Крепко жму Вашу руку.

Глубоко уважающий Вас

Ф. Крюков.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, ед. хр. 241, л. 6—7.

[2] Книга Ф. Крюкова «Казацкие мотивы. Очерки и рассказы» была издана редакцией журнала «Русское богатство» в 1907 г.

[3] В апреле 1906 г. Федор Крюков был избран депутатом Первой Государственной думы от Области Войска Донского.

[4] Новая Александрия (польское название Пулавы) — уездный город Люблинской губернии, на реке Висле; название Новая Александрия (*Новоалександрия*) получил в память пребывания там императрицы Александры Федоровны. В 1906 г. там открылась частная гимназия П. Н. Шеймина.

5. А. И. Иванчину-Писареву[1]

Станица Глазуновская. 9-го июля — 07

Дорогой Александр Иванович.

Маршрут такой: Петербург — Москва — Грязи — Себряково Ю.-В. ж. д. (Грязе-Цар<ицынская> лин.) Если по Волге, то до Царицына, а затем от Царицына до Себряково. Глазуновская станица от Себрякова отстоит <на> 40 верст, извозчикам плата 4 рубля.

Пишу Вам, дорогой Александр Иванович, что называется — на бегу. Был все время в разъездах, хотелось определить положение вещей — ничего определенного всё-таки не вынес. Протест на словах — сильный, но... на словах... Выясняется склонность к бойкоту выборов. Сегодня опять должен выехать.

Помаленьку выхватывают кое-кого у нас. Меня на днях обыскивали. Существенного ничего не нашли, но забрали рукописи (в числе прочих бумаг), из коих более всего жаль одного военного рассказа.

Думаю, что уцелею, а впрочем, с уверенностью ничего сказать не могу. Если уцелею, то в конце июля и август буду непременно дома и буду рад видеть товарищей по журналу. Есть много вопросов, которые хотелось бы выяснить.

Низкий поклон Вашему семейству,[2] Ал-ю Вас-чу,[3] Николаю Федчу,[4] Венед. А-чу,[5] Алкдру Г-чу,[6] Петру Ф-чу[7] и всем в «Русском Богатстве». Как-нибудь соберусь написать подробную реляцию, а сейчас спешу кончить.

Крепко жму Вашу руку, дорогой Александр Иванович, желаю Вам доброго здоровия и всего наилучшего. Сердечно любящий Вас Ф. Крюков.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, ед. хр. 241, л. 10—11.

[2] Вероятно, Крюков имел в виду жену Александра Ивановича — *Софью Абрамовну Иванчину-Писареву* (урожд. *Брагинскую*; 1861—1946). С апреля 1912 до сентября 1914 г. она занималась изданием петербургского журнала «Заветы».

[3] А. В. Пешехонов.

[4] Н. Ф. Анненский.

[5] В. А. Мякотин.

[6] Возможно, Крюков, имея в виду *Аркадия Георгиевича Горнфельда,* перепутал имя.

[7] П. Ф. Якубович.

6. А. И. Иванчину-Писареву[1]

Глазуновская станица Дон<ской> Обл<асти>
10-го авг. — 07 г.

Дорогой Александр Иванович.

Сейчас я получил предписание наказного атамана — немедленно выехать за пределы Донской области.[2] Избрал местожительством Петербург. Не найдете ли какой работишки к моему приезду (числу к 17—18-му), а то положение аховое. При обыске захватили и рукописи, — теперь сижу безо всего, как рак на мели.

До свидания. Крепко жму Вашу руку.

Сердечно преданный Вам Ф. Крюков.

[1] РО ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, ед. хр. 241, л. 9.

[2] За агитационные выступления 20 авг. 1906 г. в станице Усть-Медведицкой Крюкову — вместе с будущим командармом Второй Конной Ф. К. Мироновым — было на несколько лет запрещено проживание в пределах Области Войска Донского. Казаки станицы Глазуновской отправляли прошение войсковому наказному атаману о снятии позорного запрета. Но тщетно. Как следует из письма от 10 авг. 1907 г., согласно предписанию наказного атамана, Крюков был выслан за пределы Области Войска Донского.

7. М. К. Лемке[1]

1907, авг. 18

Многоуважаемый Михаил Константинович.

Не найдется ли у Вас какой работишки?

Волею наказного атамана В. Донского я выслан из родного края и приехал теперь в Петербург.[2] До разбора дела о Выборгском воззвании (т. е. до казенных хлебов)[3] еще не близко, и я не знаю, куда деться. Не знаете ли чего-нибудь подходящего? Как бывший учитель истории и русск. яз. — я мог бы давать и уроки в частных учебных заведениях. Нет ли у Вас связей с этим миром? Был бы очень благодарен.

Мой адрес: *Суворовский пр.*, 37, 22. Федору Дмитр. Крюкову

Крепко жму Вашу руку.

Уважающий вас Ф. Крюков

Спбрг. 18-го авг. — 07.

[1] РО ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 602, л. 1. *Лемке Михаил Константинович* (1872—1923) — историк, публицист. С 1906 г. — управляющий типографией и книжным складом в издательстве М. М. Стасюлевича; способствовал изданию многих ценных книг.

[2] См. п. 6.

[3] 10 (23) июля 1906 г. в г. Выборге в гостинице «Бельведер» Крюков подписал знаменитое «Выборгское воззвание», обращенное к «Народу от народных представителей». 16 (29) июля против подписавших «Воззвание» бывших членов Государственной думы было начато уголовное преследование: 167 бывших депутатов были преданы суду Особого присутствия Санкт-Петербургской судебной палаты. Подавляющее большинство были осуждены на три месяца тюремного заключения и лишены избирательных прав. Крюков отбывал срок в петербургской тюрьме «Кресты» в мае-августе 1909 г. и воссоздал ее быт в рассказах «У окна» (Бодрое слово. 1909. № 24), «Полчаса» (Русское богатство. 1910. № 4), «В камере № 380» (Там же. 1910. № 6). Из-за приговора Крюков не смог вернуться к педагогической деятельности. См. об этом во вступ. статье, на с. 000.

8. Б. А. Рославлеву[1]

1915 г., марта 9
Борису Александровичу Рославлеву.

Все рукописи, поступающие в редакцию «Р. Записок»,[2] прочитываются редакционным комитетом. В случае непригодности для журнала всенепременно возвращаются автору.

Ф. Крюков

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 284, л. 1. *Рославлев Борис Александрович* (1883—1960) —писатель, режиссер, актер.

[2] С 1914 до марта 1917 г. «Русское богатство» выходило под названием «Русские записки». В 1918 г. журнал вновь принял старое название, однако в том же году был закрыт декретом Советской власти как издание, начавшее активно бороться против диктатуры пролетариата. Крюков заведовал в журнале отделом литературы и искусства.

9. Д. И. Колесникову[1]

1915 г., авг. 24.
Дмитрию Ильичу Колесникову

Редакционный комитет «Р. Записок» не нашел, к сожалению, возможным воспользоваться Вашим рассказом «Земля зовет». Рукопись высылается Вам.

Ф. К.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 283, л. 1. Никаких сведений о Д. И. Колесникове найти не удалось.

10. Н. С. Русанову[1]

1915 г., августа 24

Дорогой Николай Сергеевич.

Посылаю рукописи А. Даманской[2] и А. Андреевского.[3] Письмо Андреевскому при сем излагаю. От «Панны Теофилии»[4] я не в особом восхищении, но против принятия возражать не буду. Скучно, сыро, но прилично. Хотя, если бы был иной «средний» материал, я не прочь бы и отказаться от Даманской.

Я за время пребывания в Глазуновке не написал ни строки. С завтрашнего дня сажусь. Но никакого заряда нет. Дела плохи, лишь вздыхаем. Пять дней назад получено предписание приготовить к мо-

билизации годы присяги (призыва) до 1886-го включительно. Я присягал царю отечеству в 1889-м году, значит — вхожу в наряд. Скоро ли прикажут нам явиться на сборные пункты — неизвестно. Надо думать, что не ранее, чем месяца через два, потому что на сборных местах войска еще много, ждут отправки.[5] Рассчитываю, что недели в две я окончательно устрою свои местные дела и затем выеду в Питер.

Привет товарищам. Жму руки. Черканули бы слов пару — нет ли чего утешительного.

Ваш Ф. Крюков.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 284а, л. 1. *Русанов Николай Сергеевич* (1859—1939) — политический деятель, публицист, мемуарист. Участник народнических кружков конца 1870-х — начала 1880-х гг., сотрудник журналов «Дело», «Русское богатство». В 1882—1905 гг. в эмиграции. Входил в группу старых народовольцев, один из создателей партии эсеров, член ее ЦК. С 1914 г. — главный редактор журнала «Русские записки». С 1918 г. в эмиграции. С 1928 г. — член Заграничного союза партии эсеров. Умер в Берлине.

[2] *Даманская Августа Филипповна* — писательница, переводчица, литературный критик. В печати выступила в 1900 г. в газете «Петербургская жизнь» под псевдонимом А. Филиппов. Печатала свои переводы польских и французских поэтов и прозу. Первый очерк Даманской «В Америке» появился в «Русском богатстве» (1903. № 12). Печаталась в журналах «Мир Божий», «Русская мысль», «Образование», «Новое слово», «Аполлон», «Современный мир», «Солнце России», в газетах «Столичное утро», «Утро России», «Час» и др. Во время Первой мировой войны была лондонским корреспондентом газеты «Биржевые ведомости». В 1917 г. сотрудничала в эсеровском «Деле народа». Объездила почти всю Западную Европу от Италии до Скандинавии, что нашло отражение в ее путевых очерках, рассказах и повестях, изображающих жизнь русских за границей. В России вышли ее сборники рассказов: «Рассказы» (М., 1908), «Где-то там» (Пг., 1918) и «Стеклянная стена» (Пг., 1918; 2-е изд.: Берлин, 1921). Свободно владея многими европейскими языками, Даманская знакомила русского читателя с новинками французской, немецкой, итальянской, английской, польской литературы. Ей принадлежат переводы произведений Ромена Роллана, Г. Гауптмана, А. Шницлера, Г. Уэллса и др. Как переводчица была привлечена к работе в издательстве «Всемирная литература». Захват большевиками власти в октябре 1917 г. Даманская восприняла как угрозу культуре. В 1920 г., получив в Петроградском университете командировку в Псков для чтения лекций на летних курсах для народных учителей, Даманская нелегально перешла эстонскую границу. Обосновавшись в Ревеле, выступала с лекциями о положении в советской России. Некоторое время прожила в Берлине, была членом берлинского Союза русских писателей и журналистов и с февраля 1923 г. членом правления Профессионального союза русских переводчиков в Германии. В сент. 1923 г. уехала в Париж, вступила в парижский Союз русских писателей и журналистов. С 1923 г. она постоянный сотрудник «Последних новостей» (Париж), печаталась в «Новом русском слове» (Нью-Йорк). В послевоенные годы Даманская писала рассказы, посвященные движению Сопротивления. Подробнее см.: *Чуваков В. Н.* Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь. М.: Олма-Пресс, 2005. Т. 1.

[3] *Андреевский А. А.* См. его неопубликованную статью в ф. 181 (Михайловского).

[4] Рассказ Даманской «Панна Теофилия» был опубликован в «Русском богатстве» (1915. № 11. С. 1—24).

[5] В ноябре 1915 — феврале 1916 г. Крюков в качестве помощника думского уполномоченного при третьем санитарном отряде Красного Креста имени Государственной думы пребывал на Галицийском фронте.

11. М. В. Ватсон. (Телеграмма)[1]

Б. д.

Шлю наилучшие пожелания: сто лет здравствовать <так!> и куль червонцев.[2]

Крюков.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 402, оп. 2, ед. хр. 302. *Ватсон* (урожд. *де Роберти де Кастро де ла Серда*; 1848—1932) *Мария Валентиновна* — переводчица, поэтесса, автор книг и статей о писателях. С середины 1870-х гг. печатала стихотворения и переводы в «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Русском богатстве» и др. журналах. В 1905 г. ее стихотворения вышли отдельной книгой. Ей принадлежит первый полный русский перевод романа М. Сервантеса «Остроумно-изобретательный идальго Дон-Кихот Ламанчский» (1907). Архив М. В. Ватсон (1218 ед. хр.) хранится в РО ИРЛИ (ф. 402).

[2] Неточная цитата из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»: «Поздравительный гул; слышнее других голоса: Частного пристава. Здравия желаем, ваше высокоблагородие! Бобчинского. Сто лет и куль червонцев!» (д. V, явл. VII).

ПИСЬМА РАЗНЫХ ЛИЦ К Ф. Д. КРЮКОВУ

1. Письмо С. В. Аникина[1]

Редакция журнала «Бодрое Слово»[2]
С.-Петербург, Саперный пер., 2.

1908 г., ноября 8

Многоуважаемый Дмитрий Федорович[3]

Вы обещали нам дать рассказец, и у Вас даже было кое-что для нас подходящее. Не пришлете ли теперь? Я все собираюсь завернуть к Вам, чтобы сделать нападение на Ваши запасы, но совсем заметался, времени нет. Думается, что Вы не погнушаетесь нашим «сугробом»? Присылайте, чем скорее, тем лучше.

Ваш С. Аникин.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 442, л. 1. *Аникин Степан Васильевич* (28 дек. 1868 г. (8 янв. 1869 г.) — 1919) — прозаик, публицист, общественный деятель.

С 1905 г. член Саратовского комитета партии эсеров. В 1906 г. был избран в Государственную думу I созыва. Один из лидеров Трудовой группы. В 1906 г. делегирован Трудовой группой в Лондон на социалистическую конференцию Междупарламентского союза. Во время роспуска Думы отсутствовал в Санкт-Петербурге, поэтому не участвовал в составлении и подписании «Выборгского воззвания». Сотрудничал в журнале «Русское богатство», где опубликовал очерк «По родным местам (из наблюдений бывшего депутата)» (1906. № 11; 1907. № 1), рассказ «Гараська-диктатор» (1907. № 3). Колебания в отношении к партии кадетов привели к разрыву с редакцией «Русского богатства». В 1908 г. выпустил в свет в Петербурге книгу «Мордовские народные сказки». В 1908 г. Аникин стал негласным редактором журнала «Бодрое слово», где опубликовал цикл своих очерков «В глубине России» (1908. № 1—5; 1909. № 1, 3—6, 8, 11, 15). Вскоре был арестован по обвинению в принадлежности к Крестьянскому. союзу; освобожденный под залог, эмигрировал в 1909 г. в Швейцарию. См.: Русские писатели, 1800—1917: биографический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 76 (статья Е. В. Войналович, М. А. Кармазинской).

[2] «Бодрое слово» — литературный, общественно-политический и популярно-научный журнал. Выходил дважды в месяц в Санкт-Петербурге в 1908—1910 гг. Издатель и главный редактор И. М. Бикерман. Журнал содержал в основном беллетристику, драматургию и стихотворения.

[3] Аникин перепутал имя Крюкова с отчеством.

2. Письмо С. В. Аникина[1]

Редакция журнала «Бодрое Слово»
С.-Петербург, Саперный пер., 2.

1909 г., февр. 21

Многоуважаемый Федор Дмитриевич

В понедельник 23 февраля назначено совещание сотрудников Бодрого Слова. Вас просят быть непременно к 8 час. вечера в квартиру I. М. Бикермана.[2] 4 Рождеств. д. 31 кв. 18.

Степан Аникин.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 442, л. 3.

[2] *Бикерман Иосиф Менассиевич* (1867—1842) — историк, писатель и публицист. Выступал с политическими комментариями и статьями о русской литературе в «Сыне Отечества», «Нашем дне», «Бодром слове», «Всеобщем ежемесячнике», «Русском богатстве», «Восходе», «Еврейском мире», «Дне» и других периодических изданиях. Был постоянным сотрудником «Сына Отечества» и газеты «Наша жизнь». В 1908 г., совместно с С. В. Аникиным, учредил журнал «Бодрое слово», в котором вел рубрику «Очерки русской жизни». В 1909 г. принял участие в дискуссии о сборнике «Вехи», критически оценив его в статье «“Отщепенцы” в квадрате». Автор публицистико-социологических книг, в том числе о современном экономическом положении евреев России и их роли в экономике страны: «Российская революция и Государственная дума» (1907), «Черта еврейской оседлости» (1911), «Материалы к законопроекту об отмене черты еврейской оседлости: экономическая деятельность евреев» (1911), «Роль евреев в русской хлебной торгов-

ле» (1912), «Роль евреев в рыбном деле» (1913). С 1912 г. под редакцией Бикермана выходила серия «Библиотека обществознания: современное человечество» (издательство «Брокгауз и Ефрон»). После Октябрьской революции эмигрировал в Берлин, впоследствии в Париж.

3. Письмо И. М. Бикермана[1]

1909 г., сентября 4

Многоуважаемый Федор Дмитриевич,

Пишу Вам наугад, не зная, вернулись ли в Петербург и тот ли Ваш адрес, что прежде. Нет ли у Вас, Федор Дмитриевич, кое-чего готового или на корню для «Бодрого Слова»? Размером стеснять Вас теперь не будем. Уезжаю сегодня вечером и вернусь к 20-му числу. Был бы очень рад, если бы к тому времени оказался у Вас рассказ для нас.[2] Если бы возник у Вас вопрос, помешавший Вам весной отдать нам свой рассказ, то будьте добры после моего приезда справиться по телефону, лично или письменно; авось, на этот раз наличность окажется.

Уважающий Вас
I. Бикерман.
4/9 909 г.
СПб, 4-Рождественская 31, кв. 18.
Обратите внимание на новый адрес редакции:
Невский просп. 100, кв. 14.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 443, л. 1.

[2] Рассказ Ф. Д. Крюкова «У окна» был вскоре опубликован в «Бодром слове» (1909. № 24).

4. Письмо А. Г. Горнфельда[1]

Schlachtensee b Berlin 29/16 VIII. 913
Kurhaus Hubertus

Дорогой Федор Дмитриевич,

Вы, верно, знаете, что я было дурно себя повел: заболел — говорят, нервами, — очень мучился тошнотой и бессонницей, вызвал знакомую барышню, она меня перевезла сюда, здесь все возобновилось. Три дня назад болезнь также быстро и нелепо, как появилась, стала ослабевать; я там с жадностью сплю, вернулась жизнеспособность — и я теперь должен начать лечиться от чего-то гнусного, очевидно, сидящего во мне. На днях буду у врачебных авторитетов, которые, надеюсь, скажут, что со мной было и есть, и как мне надлежит поступить. Из-

мучался я, родных растревожил, летнюю поправку потерял, разорился и так далее; полный разгром — и ради чего? Ну, будем надеяться на лучшее, благо погода великолепная и настроение недурное. Всего хорошего. От Ал. Вас.[2] вчера получил большое письмо. Какой он хороший. До свидания,

Ваш А. Горнфельд.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 444, л. 1. *Горнфельд Аркадий Георгиевич* (1867—1941) — литературный критик, переводчик публицист, журналист. В начале 1895 г. П. П. Перцов познакомил Горнфельда с редакцией «Русского богатства», где он начал публиковаться. С 1904 г. до закрытия журнала в 1918 г. состоял членом редакции, помощником В. Г. Короленко по отделу беллетристики и критики. Любая статья или рецензия Горнфельда (только в «Русском богатстве» их более 500) строилась на теоретической базе, в стремлении избежать легковесности и импрессионизма. Короленко писал: «Вы положили начало и русско-бог<атенской> критике» (Письма В. Г. Короленко к Горнфельду. Л.: «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1924. С. 22). В 1925 г. Горнфельд передал в Пушкинский Дом архив «Русского богатства» (*Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома: исторический очерк. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 80, 134).

[2] Вероятно, имеется в виду Алексей Васильевич Пешехонов.

5. Письмо А. Б. Дермана[1]

1913, авг. 17

Многоуважаемый Федор Дмитриевич,

Простите за промедление с высылкой корректуры. Я, во-первых, не думал, что корректура для сентябр. книги потребуется так скоро, а, во-вторых, пережил ряд передряг, не давших мне возможности написать своевременно даже это письмо.

У меня две покорнейшие просьбы: к конторе — прислать 100 рублей и если можно — немедленно, по адресу: Симферополь, Лазаревская ул., дом Макурина,[2] Н. Ф. *Петрушевской*;[3] вторая просьба к Вам, о корректуре 2-ой части «Камеры Галлея». В Алуште я пробуду до 5-го сентября и туда (на дачу Педдакаса) до указанного срока надеюсь прислать корректуру, если же она будет послана позднее (в чем сомневаюсь), то в Симферополь, Лазаревская ул., д. Макурина.

Когда Вы ждете возвращения А. Г. Горнфельда?

Если редакция получит какие-нибудь книги (для отзыва) об Италии, то присылайте их, пожалуйста, мне. Так, недавно вышел путеводитель по Флоренции[4] — нет ли его у Вас? Я с удовольствием буду давать рецензии, ибо все равно хочу, в собственных видах, заняться Италией.

До свидания. Жму Вашу руку.

А. Дерман.

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 285, л. 1. *Дерман Абрам Борисович* (1880—1952) — писатель, критик, редактор, историк литературы и театра. Литературную деятельность начал в 1903 г. В это же время познакомился с В. Г. Короленко, который давал начинающему писателю советы и переписка с которым продолжалась вплоть до смерти Короленко. Первый рассказ при содействии и с поправками Короленко был опубликован в «Русском богатстве» в 1903 г. Работал в газете «Южные ведомости» и журналах «Русское богатство», «Заветы», «Полтавщина», «Мир Божий», «Русская мысль», «Современник» и других периодических изданиях.

[2] В 1907 г. Дерман после закрытия газеты «Полтавщина» был выслан из Полтавы и до начала 1920-х гг. жил в Симферополе.

[3] *Петрушевская Надежда Федоровна* (1880 — после 1952) — выпускница физико-математического отделения Высших женских курсов по химическому разряду (1899), помощница библиотекаря в библиотеке Высших женских курсов (1902—1906). Дочь физика Ф. Ф. Петрушевского. Жена А. Б. Дермана.

[4] Флоренция и ее окрестности: II: Храмы; III: Музеи; IV: Окрестности города / сост. Ек. Долгова. М.: тип. т-ва И. Д. Сытина, 1913.

6. Письмо И. В. Игнатьева[1]

Многоуважаемый Федор Дмитриевич,

Тщетно ждали все это время обещанных Вами «Петербургских писем». Быть может, после летнего отсутствия Вы еще не в курсе петербургских дел и первые дни осматривались, но теперь, может быть, и начнете. Как Вы могли видеть, обе оставленные статьи мы уже поместили.

Мне очень бы хотелось, если бы Вы нашли возможность писать «Петербургские письма» раз в неделю или чаще. Как думаете, возможно ли это.

Уважающий Вас

И. Игнатьев.

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 445, л. 1. *Игнатьев Иван Васильевич* (наст. фам. *Казанский*; 1892—1914) — поэт, критик, теоретик футуризма, возглавлявший петербургское футуристическое движение начала 1910-х гг. В 1912 г. основал издательство «Петербургский глашатай», которое выпускало одноименную газету, альманахи: «Оранжевая урна», «Орлы над пропастью», «Стекляные цепи» (1912); «Дары Адонису», «Засахаре кры», «Развороченные черепа» и др. (1913) и книги эгофутуристов: В. Гнедова, П. Широкова, Д. Крючкова и др. С 1913 г. возглавил группу «Ассоциация эгофутуризма», провозгласив себя «председателем Ареопага». Самим Игнатьевым было выпущено всего три книги. В начале 1914 г. был опубликован его поэтический сборник «Эшафот. Эго-Футуры. Моим любовникам посвящаю», куда вошли практически все написанные им стихотворения, печатавшиеся ранее в различных изданиях эгофутуристов. 20 янв. 1914 г. Игнатьев, на следующий день после своей свадьбы, покончил жизнь самоубийством, зарезавшись бритвой. Причины его самоубийства, равно как и имя его жены, дочери купца первой гильдии И., остались неизвестными (Санкт-Петербургские ведомости. 1914. 22 февр.). Подробнее см.: Русские писатели, 1800—1917: биографический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 398—399 (статья А. Е. Парниса).

7. Письмо И. В. Игнатьева[1]

Многоуважаемый Федор Дмитриевич,

Ваш рассказ «В сумерках»[2] по своим размерам превышает самую высокую предельную норму фельетона. Если бы Вы позволили значительно сократить его, то он вошел бы в пасхальный нумер. Некоторые места легко поддаются сокращению. Для сокращения некоторых мест есть кроме технических и цензурные соображения.

Будьте добры, черкануть поскорее, разрешите ли Вы сделать довольно *значительные* сокращения.

Уважающий Вас

И. Игнатьев.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 445, л. 3.

[2] Рассказ Крюкова «В сумерках» был напечатан в газете «Русские ведомости» (1910. 18 апр.).

8. Письмо И. В. Игнатьева[1]

Многоуважаемый Федор Дмитриевич,

Еще просьба. Может быть, у Вас найдется время и возможность начертить к пасхальному нумеру небольшой очерк, характеризующий современную жизнь с какой-нибудь известной Вам стороны. Настроение ли это какого-нибудь слоя населения, положение ли его, терзания ли или еще что-нибудь, — зависит от Вас. Указания от нашей стороны могут быть только очень неопределенные. Ваша статья (размером в 200—250 или меньше строк)

должна будет войти в отдел «Жизнь, как она есть», кроме Вашей там предполагается такого же рода статьи 5—6-ти авторов. Доставить статью надо будет к 15-му 20-му *декабря*.

Прошу об ответе.

Уважающий Вас,

И. Игнатьев.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 445, л. 5.

9. Письмо А. А. Лукьянова[1]

1909 г., декаб. 24

Редакция Еженедельного Журнала «Северные Зори».

СПБ., Шпалерная ул., д. 7, кв. 13.

Телефон № 111—37.

24/XII 1909.

Милостивый Государь, Федор Дмитриевич!

Не пожелаете ли Вы принять участие в журнале «Северные Зори» и не найдете ли возможности прислать нам небольшой рассказ, за что мы будем весьма Вам благодарны. (Строк на 300).

Журнал предназначается для широкого круга читателей и продается по 5 к. за №.

С наилучшими пожеланиями,
А. Лукьянов.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 446, л. 1. *Лукьянов Александр Александрович* (1871—1942) — поэт; стихотворения его, большей частью на общественные темы, печатались в «Мире Божьем», «Русском богатстве», сборниках «Знания» и др. Собрание его стихотворений вышло в Санкт-Петербурге в 1908 г. В 1909 г. Лукьянов издавал собственный еженедельный литературно-художественный и общественный журнал «Северные зори», который был задуман как альтернатива модернистским изданиям того времени. Им были приглашены М. Горький, А. С. Серафимович, Е. Н. Чириков и др. писатели-знаньевцы, которые, однако, сдержанно отнеслись к его предложениям. В ноябре 1909 г. Горький писал Лукьянову: «...сначала позвольте мне ознакомиться с вашим журналом, а потом мы и решим вопрос о сотрудничестве... времена-то очень уж запутанные» (ИМЛИ, ПГ-рл. 23—47—2). Хотя «Северные зори» имели успех у читателей (тираж их достигал 15 000 экз.), из-за слабой финансовой базы в 1910 г. они примкнули к журналу «Жизнь для всех».

10. Письмо И. П. Малютина[1]

1912, янв. 8. Барнаул.

Дорогой Федор Дмитриевич!

Ваше письмо произвело на меня очень тяжелое впечатление. Благодаря сообщенным в нем известиям я до сих пор не могу привести свои мысли в порядок.

Уж очень невыносимо, обидно становится, когда таких людей, которые всей душой стараются как можно лучше устроить жизнь человеческого общества, убирают с дороги, прячут за каменные стены под спуд. Я даже никак не могу себе представить, чтобы, наконец, такого человека как В. Г. Короленку могли назвать преступником и судить, и осудить.[2] Да что он, убил, что ли, кого-нибудь, замучил? Ведь это же какое-то нахальство.

И против всего этого надо защищаться, надо ломать голову, доказывать очевидную истину, между тем как все это допускается только для виду. Ведь неловко же прийти и взять человека без всякого процесса, ты, мой голубчик, мешаешь нам жить в свое удовольствие,

так пожалуйте в каменный мешок! Нет, этого допустить нельзя. Ведь мы все-таки цивилизованная нация, Конституционное Государство, и притом — христианское. Не чета каким-нибудь язычникам — Японцам.

И вот невольно вспомнил гоголевского Городничего: «Так вот, право, чем больше думаешь... черт его знает, не знаешь, что и делается в голове; просто, как будто или стоишь на какой-нибудь колокольне, или тебя хотят повесить...»[3]

Вот что-то вроде этого происходило и со мной... И после всего этого я вспомнил, что «все собаки имеют право лаять, и большие и маленькие», то я и подаю свой голос, — голос маленькой собачки: за то, что — никоим образом не отступайте от издания журнала, какие бы препятствия ни встретились на этом тернистом пути! Пусть выхватывают из вашего лагеря закаленных старых бойцов — не падайте духом, вербуйте новых и гордо несите свое знамя вперед к светлому будущему! — Знайте, что во всех концах земли, вам, от всей души сочувствуют многие и многие, и глубоко негодуют на все тормозы и препятствия.

Знайте, что и Я, маленький человек, но насколько позволяют возможности и силы, работаю на пользу вашего журнала, и к тому же побуждаю других.

Суть моей работы выражается лишь в том, чтобы иного подписчика с какого-нибудь бесформенного, многообещающего журнала направить на ваш — и цель достигается в большинстве случаев.

Когда это письмо дойдет до Вас, то суд уже (скорый и милостивый) над В. Г. совершится. Мне, конечно, очень хотелось бы знать результаты. Но если я не встречу в газетах?.. То будьте так добры, черкнуть малость. Да еще большая просьба: вы, вероятно, встречаетесь с А. Петрищевым?[4] Я еще в 1906 г. читал его книжки «Триста лет» и «Церковь и школа» кажется? Мне они очень нравятся. Тогда их много распродал между знакомыми. Но теперь давно не встречаю их нигде. То нельзя ли попросить их у автора хоть по 1 экз. для меня. Я денег не пошлю, скажу откровенно. Но у меня есть еще несколько стишков с Курганских домов, в кот. жил П. Ф. Якубович.[5] То их могу послать и посылаю. Большое Вам спасибо за письмо и за хлопоты. Буду ждать, когда Роза Фед.[6] поправится! От всей души желаю всего лучшего!

Ваш, И. Малютин.

Очень и очень извиняюсь перед Вами, дорогой Федор Дмитриевич, что сие письмо вышло бестолково и длинно, но около праздников было очень много работы в магазине, закрутился и потом — такие вести от Вас.

Жду более лучших.

Сердечно любящий Вас, И. Малютин,

P. S.

Да, вот еще, что я не знаю, имеются ли с Вами какие-либо карточки в продаже? И не будете ли Вы добры послать мне 1 ш., очень бы хотелось иметь.

И. М.

Об.

Прилагаю Вам свое новейшее произведение. «К молодежи».

К молодежи

Жизни не бойтесь — идите
Бодро и смело вперед,
Знанье и правду несите
В бедный и темный народ!

Пользуйтесь жизнью умело
Честно старайтесь прожить,
Ждет нас великое дело,
Родине бедной служить!

Время давно уж настало,
Сон вековой отряхнуть,
Все удалить, что мешало
Выйти на правильный путь.

С верой в победу — идите,
Чуткие к правде святой,
Знамя науки несите
В темный народ трудовой!
И. Малютин.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 447, л. 1—2. *Малютин Иван Петрович* (1873—1962) — прозаик, поэт, мемуарист. С 1892 г. жил в Ярославле: работал землекопом, сторожем, переплетчиком, библиотекарем в читальне при фабрике «Большая мануфактура» (с декабря 1897 г.). Начал сотрудничать с редакциями газет. В конце 1890-х гг. примкнул к социал-демократам. За распространение запрещенной литературы был арестован и после трех месяцев заключения выслан в с. Спасское Томской губ. Долгое время жил в Сибири, в 1907—1911 гг. — в Кургане, где собрал материал о ссыльном Якубовиче-Мельшине, сделал фотографии дома, где тот проживал, и все это, вместе со своими стихами, выслал В. Г. Короленко. Так началась их переписка. Первое стихотворение «Бедная Настя» опубликовал в 1895 г. в газете «Северный край». С 1910 г. его стихи регулярно публиковались в периодических изданиях. Современники называли Малютина «писателем из народа», «поэтом-самородком, собирателем и неутомимым пропагандистом книги».

[2] 12 янв. 1912 г. за напечатание статьи С. Я. Елпатьевского «Люди нашего круга» Короленко был приговорен к двухнедельному аресту. «Вчера меня судили, — известил он младшую дочь Наталью Владимировну. — Весь день мне пришлось провести в суде, так как назначено было в 11, а началось мое дело в 7 вечера.

Я сначала было стал уставать и нервничать. Потом прошло, и уже во время самого суда я был совершенно спокоен. К приговору относился совершенно равнодушно, хотя ждал тюрьму месяца на 4. Оказалось — две недели. По-видимому, двое судей были за полное оправдание, и судейское совещание длилось больше часу. Один был не то что злющий, а вообще — враждебный. Это некто Кессель; он был обвинителем по делу Засулич (в 70-х годах), причем присяжные Засулич, стрелявшую в Трепова, оправдали. Говорят, с этих пор он упорно воюет с политическими и литерат<урными> подсудимыми. Он был докладчик и, должно быть, старался внушить судьям, что статья зловредная. Защищал Грузенберг. Я сказал небольшую речь. На суде была публика (немного, но все-таки места для публики заполнены, зал небольшой) <...> Из всех знакомых я волновался всех меньше, так как в сущности, если бы даже назначили месяца 4, то... ведь еще будут процессы посерьезнее, и это наказание будет поглощено» (*Короленко В. Г.* Избранные письма: в 3 т. М.: Художественная литература, 1932. Т. 2. С. 290.).

[3] Цитата из комедии Н. В. Гоголя. «Ревизор» (д. III, явл. IX).

[4] *Петрищев Афанасий Борисович* (1872—1951) — публицист, учитель и политик. В 1904 г. в журнале «Русское богатство» было опубликовано его первое большое произведение — «Заметки учителя», а в период 1905—1906 гг. — еще ряд статей острого политического содержания. Помимо работы в журнале, опубликовал ряд брошюр: «Из истории кабаков в России», «300 лет: 1606—1906», «Из эпохи государственного бреда», «Крестьяне-крамольники» и др. За публикацию последней он даже привлекался к суду, но был оправдан. В 1907 г. вошел в редакционный совет центрального печатного органа этой партии — журнала «Русское богатство». С 1908-го и вплоть до закрытия журнала большевиками в 1918 г. он вел в этом журнале раздел «Хроника внутренней жизни».

[5] См. примеч. 1.

[6] *Якубович Роза Федоровна* (урожд. *Франк;* 1861—1922) — жена П. Ф. Якубовича (с 1894 г.). Их сын Дмитрий Петрович Якубович (1897—1940) — литературовед-пушкинист.

11. Письмо И. П. Малютина[1]

Барнаул. 14 марта 1914

Дорогой Федор Дмитриевич!

Обремененный физической и разной работой по отпуску и приемке маслодел. принадлежностей я мало нахожу времени для писанья, но постоянно думаю о вас, независимо от того, пишете вы мне или нет.

Таких радостных, таких счастливых дней в моей жизни, как те, в которые я получил ваше первое письмо и книгу «Казацкие мотивы», у меня еще никогда, кажется, не было, и этого радостного, граничащего с чем-то сверхъестественным и непонятным для других чувства я никогда не забуду.

Может быть, как-нибудь выберется у Вас минутка свободного времени — то черкните о своем здоровье и здоровье вашей семьи и вообще о вашей жизни.

Мне очень интересно все это и близко моему сердцу.

Я все с нетерпением жду ваших сочинений в отдельном издании.

Получаю «Ниву» и не знаю, уже в который раз перечитываю В. Г. Короленко.

Моя семья и я сам здравствуем и живем в материальном отношении хорошо.

У меня есть кой-чего отпечатано в местных газетах, но нет свободных №№, как-нибудь достану, тогда пошлю вам. Помещаю больше в «Алтайском крестьянине».

Не смею утруждать... и т. д. Шлю вам мой сердечный привет и пожелания всего лучшего.

Ваш Ив. Петр. Малютин.

Адрес: *г. Курган.* Союз артелей.

Посылаю «Бродягу».

<К письму приложен листок с машинописным текстом стихотворения «Бродяга».>

Бродяга

И мать была... и был отец...
Теперь их нет... они в могиле.
Я долго плакал — наконец
Мои мне силы изменили...
Упал я духом, я ослаб.
Нашлись друзья — меня жалели
И стал я их послушный раб
Со мной творили, что хотели.
Я с ними шел в кабак, в трактир,
Веселья в водке мы искали.
И я узнал тот грязный мир,
Где честь и правда погибали.
Где властно царствовал разврат,
Бесцельно тратилися силы,
Откуда труден был возврат,
Как к новой жизни из могилы.
Мне было больно вспоминать
В часы безумства и разгула
Отца умершего и мать
И в жизнь иную потянуло
С какой-то силой вдруг меня,
И совесть чуткая проснулась
В душе упреками звеня,
И мысль невольно ужаснулась,
Но был я этой мысли рад.
И я решил неотменимо,
Чтоб позабыть тот гнусный ад
Уйти — оставить край родимый
...Ушел, и вот я много лет
По свету вольному скитаюсь.

Искал я правды — правды нет.
Повсюду зло царит и зависть.
Знаком я с тюрьмами, с тайгой,
В горах скрывался недоступных,
Бывал в немилости людской,
Немало дел видал преступных.
Мне страшно жить среди людей
Среди бесцельного страданья.
Мне звери кажутся милей —
В них больше чувств и состраданья.
И я опять уйду туда
От этой жизни бестолковой
Дожить последние года
Под сень тайги многовековой.
Я там умру, найду приют.
Там человек меня не тронет.
Там птицы песню мне споют,
Бураны зимние схоронят...
Ив. Малютин.

<Ниже приписано чернилами: «Напечатано в «Алт. кр-не».>

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 2, ед. хр. 210, л. 1—3.

12. Письмо И. П. Малютина[1]

<1914 г.>

Многоуважаемый Федор Дмитриевич!

Вы, вероятно, уже меня совсем позабыли — но оказывается еще «курилка» жив, пишу кое-где понемножку. Но не писательские мотивы вынудили меня писать сейчас Вам — нет, я махнул рукой на свои писанья, а вынудило меня то, что мне страшно захотелось узнать о Вашем здоровье, делах и пр.

С самой весны я собирался писать Вам, но все боялся — не смел. А теперь вот закрытие «Русс. Богат.»[2] меня поразило как громом, и я не утерпел, пишу...

В августе месяце меня выбрали в О-во попечения о начальном образов. в г. Барнауле для приведения в надлежащий порядок 3-х библиотек этого О-ва в качестве инструктора по библиотечному делу, и теперь я роюсь в разных библиографических справочниках и журналах, напр. «Библиотекаре», «Бюллетенях Л-ры и жизни» и др., пополняя библиотеку новыми книгами, я беру на себя огромную моральную ответственность, чтобы не допустить какой-либо плохой книги. Поэтому предстоит немало кропотливого труда при справках и перечитывании разн. рецензий. Но я это дело страстно люблю, люблю просматривать новенькие каталоги и читать отзывы о книгах. Между

прочим, читал отзыв о Вашей новой книге рассказов, в «Ежемесячном журнале». Я многих членов нашей библиотечной комиссии — которая мне помогает в работе — познакомил с Вашими писаниями чрез «Русс. Богатство», напр. всем очень нравится «Офицерша»[3] и «Мать».[4] Ваши р<ассказ>ы постановлено выписать во все три библиотеки.

Я хотя и сказал выше, что махнул рукой на свои писанья, но у меня есть, как говорится, в портфеле рассказов пять, которые отлеживаются по-гоголев<с>ки и понемногу исправляются, когда будет что-либо напечатано, пошлю немедленно Вам.

Жалованье мне пока назначили 50 р. в месяц, все же остальные члены работают бесплатно. Это дало мне возможность оставить Союз Сибир. Масл. Артелей пока до улучшения в нем порядков, о чем будет речь впереди.

Итак, прошу у Вас благословения на новое дело, и если, дорогой Федор Дмитриевич, подвернется под руку какой-либо новый каталог о хороших книгах и будет минутка, то пошлите мне или сообщите тому издательству мой адрес, буду искренне Вам благодарен.

А теперь скажу несколько слов о Союзе Сиб. Масл. Артелей.[5] Я думаю, что судя по его отчетам и «Народной газете», которая издается на крестьянские деньги для особенных целей, чтобы успокаивать артельщиков ложными отчетами и т. д., то по этим сведениям, вероятно, думают, что дела этого Союза блестящи. Но если заглянуть в его нутро, если присмотреться поближе к его заправилам, к самому основателю Союза, бывшему маслозаводчику А. Н. Балакшину,[6] к его сыну, А. А. Балакшину (теперь директору) и к А. И. Грудзинскому (бывшему волостному писарю) и т. д., и т. д., в руках которых находится верховная власть Союза, то получится несколько иная картина. (Я мог бы несколько подробнее охарактеризовать вышеупомянутых лиц, если бы знал, что это будет для Вас интересно.)

Даже мне, прослужившему в Союзе 5 лет с самого его возникновения и знающего до последних его дней существования, с трудом верится, что все в нем не так, как сами они о себе пишут в «Народной газете» и показывают в своих отчетах. Удивительные престидижитаторы. Я давно собирался кое-что написать по этому поводу А. В. Пешехонову, но так и не собрался, мне хотелось хоть отчасти предупредить его от ложного взгляда на чрезвычайно идеализированное состояние Союза такими кооператорами как Н. В. Чайковский[7] и т. д., которые писали о Союзных делах по Союзным отчетам и со слов членов Правления Союза. А это только одна сторона медали.

Но мои опасения, к счастью, были напрасными, кажется, ничего в «Русс. Богат.» не появлялось такого. А в «Заветах» № 6 1914 г. даже немножко ругнули А. А. Балакшина, за известное направление.

Если бы не те дефекты, какие присущи настоящему Правлению Союза (явная узурпация и беззастенчивое, наглое скрывание всякой правды, которую видят сами мужики своими глазами и т. д.), если бы

не все это, то вся Сибирь давно бы объединилась в одну целую организацию. Но этот Союз не дает того, что мог бы он дать. Он умышленно задерживает свое умственное развитие — боится света. Нет ни в одном отделении (из 11-ти) ни одной библиотеки для служащих и артельщиков.

Впрочем, есть у них в Кургане при «Народн. Газете» книжный склад, и даже пишут в «Народн. Газете», какие имеются книги с отзывами Рубакина и т. д., но как это все далеко от жизни, потому что тех, кто читает, да узнает все, тех-то они и изгоняют из союза... Тяжела-печальна и позорна повесть этого Союза, но никто ее не узнает по «Народной Газете» и Союзным отчетам. Следует заглянуть в другие. Хотя бы в «Алтайский Крестьянин».[8]

Я сам лично не имею ничего против Союза, т. е. тех кооперативных начал, которые положены в его основу. Но я возмущаюсь профанацией этих принципов, того святого зародыша, который должен бы сделать всех людей братьями и т. д. Я возмущаюсь тем, что мужики-то начали понимать значение кооперации, и, как бабочки на огонь, летят в Союз и обжигаются, и в бессилии и возмущении летят обратно с обожженными крыльями, и опять попадают к экспортерам. Но скажут те, которые остались в Союзе, почему не выходят из него все, почему остаются в нем? Да потому, почему остаются мухи на сладком липком листе бумаги — и рады бы, да ноги завязли, должны Союзу — хотя в сущности-то и не должны, но такой вексель дали, что должны, и вексель этот заложен в Банк «Сибирский», конечно (другие банки таких векселей не берут), и таких векселей на сотни тысяч в одном отделении, да в другом тоже и т. д.

Я помню, как хорошо начато было это Союзное дело, как в конторе Союза всякому артельщику, состоящему членом Союза, объясняли значение Союза, его задачи и его будущее, светлое идеальное будущее, особенно старался в этом отношении А. Н. Балакшин, основатель Союза. И мы, работники Союза, заряжались энтузиазмом основателя, считая его чуть ли не Робертом Оуэном,[9] работали безо всяких определенных часов, с раннего утра до позднего вечера, не исключая никаких праздников.

Я помню, как в 1909 г., с утра до вечера работали Троицу и Духов день, только счеты гремели, а на дворе распускались березы, и было благорастворение воздухов. Но никто не роптал, у всех, точно у верблюдов, идущих через пустыню, был подвешен клочок сена. <...>

Характерна картинка объяснения завед. Барнаул. о<тделе>ния Союза со мной. Дело было так:

25 марта 1914 г. заведующий Барнаульск. отделения Союза Сиб. Масл. Арт., Андрей Филипп<ович> Меринов,[10] призывает меня к себе в контору и говорит:

— Знаете что?

— Нет, не знаю, а что?

— Мы с вами должны расстаться?

— Как это так, почему?

— Да так, знаете ли... Ну, да сами знаете...

— Разве я что-нибудь неладно наделал?

— Да нет, Боже сохрани, дело не в этом...

— Ну, так в чем же, говорите скорее.

— А в том, что много разговариваете с мужиками, да и вообще, много видите и слышите.

— Ну, я этого никак не ожидал, Андрей Филиппович, неужели вам нужны такие люди для союза, которые ничего не видят, не слышат и не говорят?

— Ну да, вот мы таких и подбираем!

После тако<го> объяснения мне только пришлось раскланяться и пожелать ему успеха...

Ну, пока будьте здоровы. Крепко жму Вашу руку. Искренне уважающий Вас,

Ив. Петр. Малютин.

Адрес мой г. Барнаул Том. губ. Пушкинская ул. 53.

Ив. Петр. Малютин.

P. S. Большой привет Вашей семье! А. В. Пешехонову и проч.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 447, л. 1—3.

[2] В марте 1911 г. состоялся суд над А. В. Пешехоновым и В. А. Мякотиным, они получили по полтора года крепости и надолго выбыли из редакционной работы. С сентября 1914 г. до марта 1917 г., в связи с очередным запретом, журнал назывался «Русские записки».

[3] Опубликовано: Русское богатство. 1912. № 4, 5.

[4] Опубликовано: Там же. 1910. № 12.

[5] Союз сибирских маслодельных артелей (ССМА) — крупнейшее кооперативное объединение в дооктябрьской России. Союз учрежден в Кургане в ноябре 1907 г. на собрании уполномоченных 12 артелей первоначально для совместного приобретения продуктов питания, сельскохозяйственных орудий и получения ссуд. Основной деятельностью стал сбыт масла. Союз занимался также снабжением маслоартелей инвентарем и оборудованием для переработки молока. В 1910 г. в составе Союза насчитывалась 181 артель (14% всех маслодельных кооперативов), в 1913 г. — 563 артели (29%). В условиях жесткой конкуренции с частным капиталом и ограниченности внутреннего рынка ССМА сориентировался на экспорт масла в европейские страны, что потребовало концентрации значительных финансовых и материальных ресурсов, создания сети зарубежных представительств. В 1912 г. ССМА открыл контору в Берлине, в 1913 г. совместно с английскими предпринимателями образовал акционерное общество на паях «Союз сибирских кооперативных товариществ» («Юнион»). В дальнейшем число представительств ССМА достигло 16. Они располагались в Западной Европе, Китае, а также во всех крупных городах и торговых пунктах Западной Сибири.

[6] *Балакшин Александр Николаевич* (1844—1921) — купец, промышленный деятель, гласный Курганской городской думы. В 1907 г. по инициативе и при его непосредственном участии был создан ССМА, где он занимал должность директора. К 1913 г. оборот достиг 14 миллионов рублей. Из этой суммы 9 миллионов падало

на сбыт сибирского масла за границу, более 500 тысяч рублей на заготовку для артелей припасов и материалов для маслоделия и более 4 260 000 рублей на потребительские товары для лавок. В начале мая 1913 г. предприниматель отказался от поста директора ССМА и перешел на работу представителем этой организации в Лондоне — акционерного общества «Юнион», а его место занял сын — Андрей.

[7] *Чайковский Николай Васильевич* (1850—1926) — с 1869 г. член революционного народнического кружка, который вошел в историю как «кружок чайковцев». Подвергался арестам. В 1874 г. эмигрировал. В 1890-х гг. — один из основателей «Фонда Вольной русской прессы», с начала 1900-х гг. — член Аграрной Социалистической лиги, с 1904 г. — эсер. В 1907 г. вернулся в Россию, арестован, около года содержался в Петропавловской крепости, порвал с эсерами, от политической деятельности отошел. Активно участвовал в российском кооперативном движении, в разработке кооперативного законодательства. На I Всероссийском съезде по делам мелкого кредита и сельскохозяйственной кооперации (Петербург, 1912) был избран товарищем председателя комиссии по доработке проекта закона о кооперации под названием Положения о кооперативных товариществах и их союзах. В 1913 г. Чайковский посетил Урал, где обследовал состояние и деятельность нескольких артелей и кооперативов. Результатом исследования им кооперативного маслоделия в Западной Сибири явился научный труд «Союз сибирских маслодельных артелей», изданный в Петербурге в 1914 г. Его автор большое внимание уделил не только артелям, но и потребительским лавкам при маслодельных заводах. В частности, он писал, что, вступая в артель, ее член давал обязательство покупать все нужные товары для себя и своей семьи в артельной лавке (за исключением базарных дней) под угрозой иначе быть оштрафованным. Паев в артельных лавках не было, но паевой капитал у лавки имелся: он создавался за счет отчислений из прибылей на забор товаров.

[8] *«Алтайский крестьянин» — журнал-газета;* издавалась с 1912 по 1918 г. Редактор — М. О. Курский, первый заведующий барнаульским Народным домом, активный член Общества попечения о начальном образовании и любителей исследования Алтая. С 1912 г. издание выпускалось местным союзом кредитных и ссудосберегательных товариществ, а с 1917 г. — кооперативным союзом Алтайского края. Основные темы публикаций касались широкого спектра вопросов по сельскохозяйственной деятельности, печатались статьи по общественно-экономической тематике.

[9] *Роберт Оуэн* (1771—1858) — английский философ, социальный реформатор, основатель утопического социализма и кооперативного движения. Он стремился улучшить условия труда на фабриках, пропагандировал экспериментальные социалистические сообщества и стремился к коллективному подходу к воспитанию детей, включая государственный контроль за образованием.

[10] *Меринов Андрей Филиппович* (ок. 1885 — после 1933) — с 1916 г. председатель Алтайского союза кооперативов.

13. Письмо Н. П. Морозова[1]

<Б. д.>

Многоуважаемый Федор Дмитриевич,

Обращаюсь к Вам с маленькой просьбой, исполнить которую, я надеюсь, вы не откажете. Не будете ли добры прислать мне вашу фотографию по указанному ниже адресу.

Фотография нужна мне не для какой-либо печатной работы.

Я хотел бы иметь портрет писателя в высшей степени дорогого и симпатичного.

Буду Вам очень благодарен.

Примите уверение в совершенном уважении.

Морозов.

Адрес г. Богородск Моск. Губ.

Рогожская улица.

Дом И. О. Титова № 136

Николая Петровичу *Морозову*

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 286, л. 1. Сведений о Н. П. Морозове найти не удалось.

14. Письмо В. А. Мякотина[1]

14/II- 912.

Дорогой Федор Дмитриевич,

Представьте, на этот раз я долго думал — писать или не писать Вам. Но вот сейчас получил письмо от жены[2] и в нем читаю: «“Сеть мирская”[3] это такая прелесть, простота, искренность и так тепло». То же чувство и у меня. Читая Ваш рассказ, я видел милый Киев, Подол и Лавру, и Днепр, видел и героев Ваших, монаха и его старушку-мать, и богомольцев, и вагонных спутников. И так близки стали душе эти люди, так внятны картины природы, такая светлая и вместе щемящая сердце грусть охватила, что захотелось написать Вам и поблагодарить за наслаждение этой грустью. Но потом подумалось: что Вам в моем впечатлении? А теперь опять передумал и думаю, отчего же Вам не узнать, что кроме многих неизвестных (о числе которых может дать справку контора Р. Богатства) Вы дали испытать радость и двум известным Вам людям. Вот и пишу Вам об этом.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш В. Мякотин.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 448, л. 1. *Мякотин Венедикт Александрович* (1867—1937) — историк, писатель и общественный деятель, сотрудник Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, глава Трудовой народно-социалистической партии. Сотрудничал в журнале «Русское богатство» (с 1893 г.), член редколлегии (с 1904 г.). Здесь Мякотин поместил ряд исторических и публицистических статей, а в 1900—1904 гг. вел «Хронику внутренней жизни». В 1906—1911 гг. печатал в этом журнале и временно заменивших его «Современных записках» публицистические статьи под общим заглавием «Наброски современности». В 1906 г. участвовал в организации народно-социалистической партии. В 1911 г. был приго-

ворен за брошюру «Надо ли идти в Государственную думу?» (Русское богатство. 1906. № 1) к годичному заключению в Двинской крепости, где находился вместе с А. В. Пешехоновым. Освобожден в 1912 г. В 1912—1915 гг. печатал в «Русском богатстве» и «Русских записках» «Очерки социальной истории Малороссии».

[2] *Мякотина Анна Евгеньевна* (урожд. *Феодосьева*).

[3] Рассказ Крюкова «Сеть мирская» был опубликован в журнале «Русское богатство» (1912. № 1).

15. Письмо В. А. Мякотина[1]

15/V 912.

Дорогой Федор Дмитриевич,

Большое спасибо Вам за письмо. Поздно собрался я отвечать Вам, но Вы ведь знаете о досадной случайности, надолго лишившей меня возможности писать. И теперь, чувствуя, что мое письмо захватит Вас уже на озере, я пишу не с тем, чтобы говорить о питерских делах, а только чтобы сказать, что мы оба пребываем благополучно, и пожелать Вам хорошего лета, удачного путешествия и богатого улова лиц и сюжетов. Крепко обнимаю Вас.

Ваш В. Мякотин.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 448, л. 3.

16. Письмо В. А. Мякотина[1]

«Русское Богатство»
С.-Петербург
Баскова ул., 9. Телеф. 20—83.

9/VII 1913 г.

Дорогой Федор Дмитриевич,

Пишу Вам, можно сказать, на озере — 14-го собираюсь уезжать отсюда. И то сказать, пожил в степи, попил кумыса, — пора и восвояси, а то, пожалуй, обопьешься. Нынче, правда, степь была не чересчур благосклонна к кумысникам. Настоящей степной погоды — сухой жар днем и прохлада ночью — до сих пор было мало, зато много было дождей, гроз, даже холодов: но, как бы то ни было, я кумысом обпился — больше 300 бут. выпил, здоровьем, кажись, запасся и удираю. Пойду, вероятно? Волгой, т<ак> ч<то> 21-го буду дома, а 22 смогу быть на понедельнике.

Думал я было привезти с собою историческую статью на август (что сдается? о Ник. Фед.[2] у меня сорвалось здесь, — я писал ведь Ал. В-чу[88]), но как буду в лучшем случае привезу только начало. Ну, там

видно будет: если места в августе много, я допишу ее к 25-му на Северской, а нет — отложим до сентября. О Ваших планах и расчетах пока не спрашиваю, т. к. недавно узнаю об них только при свидании, теперь, к счастью, уже недалеком. В ожидании его крепко жму Вам руку и шлю привет Ал. В-чу.

Ваш В. Мякотин.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 448, л. 4.

[2] Н. Ф. Анненский.

[3] А. В. Пешехонов.

17. Письмо В. А. Мякотина[1]

Русское Богатство
С.-Петербург.
Баскова ул., 9. Телеф. 20—83.

10/12 1913 г.

Дорогой Федор Дмитриевич,

Вы сетуете, что я Вам не пишу. Вполне признаю свою вину, но есть у меня маленькое извинение. Перед самым переездом в город, когда я свалил с плеч статью и планировал несколько дней быть посвободнее, меня подцепил бронхит и свободные-то дни я прохворал. На мое счастье, бронхит оказался не очень злым и скоро меня отпустил.

Теперь вот сажусь писать Вам, но больших новостей не сообщу. А. Г., как Вы знаете, приехал и уже впрягся в лямку.[2] Выглядит он не очень хорошо, но на здоровье не жалуется: «все-таки ем», — говорит. Давал он мне читать рассказ Скитальца,[3] — и он, и я решили, что никуда сей рассказ не годен. Давал еще посмотреть рассказ Абрамовича (автора «В придун. городке»),[4] — так что-то слабо теплится в нем. Среди хороших вещей можно бы еще, пожалуй, напечатать, но хороших-то вещей нет. И будет этот рассказ ждать Вашего приезда.

В нашем отделе нас огорчил Белоруссов.[5] Прислал статью на октябрь слабую-преслабую, да еще совпадающую и по теме, и по материалу со статьей Сталинского,[6] помещенной в сентябре. А вот что любопытно: прислал нам статью Туган[7] против Струве[8] и пишет, что чувствует себя все ближе к Р. Б.

Как времена-то меняются! Давно ли Туган и Струве вместе громили «Р. Б.», а теперь вот какой, с божьей помощью, поворот.

Еще одно неожиданное известие: Миролюбов[9] получил свой залог обратно и принес нам всю 1000 р. Вы не краснеете?

Это приход, а теперь о расходе. Ал. Вас.[10] предлагает внести от Р. Б. пожертвование в фонд Р. Вед-тей. Принципиальных возражений у нас

не возникало и вопрос в сумме. Ал. Вас. считает минимум... от 100 р. Н. С.[11] и я полагаем, что этой суммы и предостаточно. Как Ваше мнение?

Крепко жму Вашу руку. Анна Евг.[12] шлет Вам привет.

Ваш В. Мякотин.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 448, л. 5.

[2] А. Г. Горнфельд.

[3] *Скиталец* — псевдоним писателя *Степана Гавриловича Петрова* (1869—1941). Речь, вероятно, идет о его рассказе «Метеор», напечатанном в «Русском богатстве» (1913, № 1—2). В том же году отдельным изданием вышла книга: *Скиталец*. Избранные рассказы. СПб: изд. ред. журнала «Пробуждение», 1913.

[4] *Абрамович Николай Яковлевич* (1881—1922) — литературный критик, прозаик, поэт и публицист. Его рассказ «В придунайском городке» был напечатан в «Русском богатстве» (1913. № 8).

[5] *Белоруссов* — псевдоним. Настоящая фамилия — *Белевский Алексей Степанович* (1859—1919), писатель, журналист, публицист. В своих статьях высказывал взгляды, представлявшие смесь народнических и полумарксистских идей. В 1896 г. был арестован по делу *Лахтинской типографии* и после отбытия тюремного заключения выслан в Восточную Сибирь на 8 лет. Из ссылки Белоруссов эмигрировал за границу и поселился в Париже. Впоследствии он стал видным сотрудником кадетских «Русских ведомостей».

[6] *Сталинский Евгений Степанович* (1837—1912) — журналист и переводчик. С 1872 по 1877 г. редактировал газету «Кавказ»; с 1877 г. состоял редактором и издателем газеты «Харьков»; в 1882—1883 гг. издавал в Москве еженедельный художественно-литературный журнал «Москва». Отдельно напечатал: «Кольцов и Серебрянский» (Воронеж, 1868); «Барсова кожа: грузинская поэма Шота Руставели» (Тифлис, 1888); «Бродячие идеи и граф Толстой» (М., 1892). В «Русском богатстве» были напечатаны его статьи «Кризис французской демократии» (1912. № 6) и «Аграрный вопрос в современном социализме» (1913. № 12).

[7] *Туган-Барановский Михаил Иванович* (1865—1919) — экономист, социолог, историк, видный представитель «легального марксизма», приват-доцент Санкт-Петербургского университета; преподавал в нем с перерывом с 1895 до 1913 г. (за участие в манифестации в марте 1901 г. ему было запрещено несколько лет находиться в Санкт-Петербурге). Также он был профессором на Высших женских курсах (1906—1917) и читал лекции в Санкт-Петербургском политехническом институте (1907—1914). В 1897—1899 гг. вместе с П. Б. Струве редактировал журналы социал-демократического направления «Новое слово» и «Начало». А. В. Тыркова-Вильямс, гимназическая подруга жен Туган-Барановского и Струве, писала об их тесном сотрудничестве в 1890-е гг.: «Они были неразлучны, вместе давали битвы в полузакрытых собраниях Императорского Вольного экономического общества, где со времен Екатерины II баре, чаще всего помещики, обсуждали вопросы русского хозяйства, где сто лет спустя после образования общества зашумела новая городская интеллигенция. Эти два Аякса марксизма вместе составляли программы и манифесты, явные и тайные, вместе затевали и губили журналы, вместе шли приступом на народников, вели бесконечную полемику с Михайловским, яростно нападали на другого, менее зубастого народника, на В. В. Воронцова, писавшего в “Русском богатстве” довольно невинные, но расходившиеся с Марксом рассуждения об общине и о крестьянском землевладении» (*Тыркова-Вильямс А. В.* На путях к свободе. М.: Московская школа политических исследований, 2007. С. 54—55).

[8] *Струве Петр Бернгардович* (1870—1844) — общественный и политический деятель, экономист, историк, социолог, философ, теоретик «легального марксизма», один из лидеров кадетов, редактор журналов «Освобождение» и «Русская мысль», участник сборника «Вехи».

[9] *Миролюбов Виктор Сергеевич* (1860—1939) — журналист, редактор, издатель «Журнала для всех». После его закрытия пытался издавать журналы «Трудовой путь», «Наш журнал», но в связи с возбуждением против него уголовного преследования эмигрировал в Европу. Здесь был привлечен М. Горьким к редакции «Сборников товарищества “Знание”», заведовал литературным отделом журнала «Заветы», вместе с А. В. Амфитеатровым редактировал журнал «Современник». Возвратившись после амнистии в связи с 300-летием Дома Романовых в Петербург, некоторое время был редактором издававшегося В. А. Поссе журнала «Жизнь для всех» (1913), в 1914—1915 гг. — «Ежемесячного журнала литературы, науки и общественной жизни». До революции был товарищем председателя Общества редакторов петроградских журналов.

[10] А. В. Пешехонов.

[11] Н. С. Русанов.

[12] Анна Евгеньевна Мякотина. См. примеч. 2 к п. 14.

18. Письмо А. В. Пешехонова[1]

1912 г. мая 16

Доверенность

Дорогой Федор Дмитриевич!

Прошу Вас принять на предстоящее лето в свое заведывание моего сына, Бориса Алексеевича Пешехонова, и пользоваться по отношении к нему всеми моими родительскими правами, как прирожденными, так и благоприобретенными, а именно: требовать от него быстрого ума, доброго сердца и деяний, достойных его возраста и звания; если же он их не окажет в надлежащим случае, то взирать на него грозно (так, чтобы душа у него в пятки уходила), а равно объявлять ему предостережения, замечания и выговоры, как в совместных письма<х> к нам, так и без оного;

подвергать его простому и строгому аресту, на срок, какой Вашему чину присвоен; (далее зачеркнутая строка. — *А. Д.*), вообще пользоваться всеми правами, какие полагаются при усиленной охране, вплоть до высылки находящихся у Вас под надзором в столицу или в Двинск. Если признаете это нужным, то предоставленные Вам права можете передоверить другим лицам. Всему, что по сей доверенности законно учинить, верю, спорить и прекословить не буду. Доверенность сия принадлежит статскому советнику (лишенному кое-каких прав) и великому писателю Земли Донской, Федору Дмитриевичу Крюкову.

Алексей Васильевич Пешехонов

16 мая 1912 года. Доверенность сия явлена в камере моей № 8, находящейся в Двинской крепости-складе, лично мне известным Алек-

сеем Васильевичем Пешехоновым с удостоверением, что она им собственноручно подписана. Нотариус Двинской Крепости

В. Мякотин.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 449, л. 1—2. *Пешехонов Алексей Васильевич* (1867—1933) — экономист-народник из земских статистиков, постоянный автор, а с 1904 г. литературный пайщик и член редакции «Русского богатства». В 1922 г. был выслан большевиками из России.

19. Письмо А. В. Пешехонова[1]

6/VI 12 г.

Дорогой Федор Дмитриевич!

Всегда я Вам говорил, что вы не умный человек, а теперь мне еще больше хочется Вас бранить. Зачем Вы обо мне даже в Двинске понаписали, да еще с такими насмешками. Погодите, покажитесь только нам, уж я Вам задам!

Ну, а все-таки Вы хороший, я думаю, Борьке с Вами хорошо, да только Вам уж очень много заботиться приходится о нем.

Мы теперь иногда собираем у Короленко, т. е. Кор., Мокиевский[2] и я — вся богатсткая публика уехала, а кто остался, с тем неинтересно проводить время. Все время сегодня меня преследует мысль, что Вы учитель русского языка и очень внимательно относитесь к стилю и орфографии, а у меня как раз не письменное настроение, может быть, всему виной поздний час — уже почти можно обходиться без лампы, а м. б. немалую роль играет, что казак ко всему, не связанному непосредственно с его домом, относится бесстрастно, и значит толковать с Вами о том, что меня теперь интересует, значит отнимать у Вас дражайшее время. Ну, а Вы напишете мне о том, что скоро ли Вы начнете свое путешествие и не надоел ли Вам Борис и каков он теперь, да вообще, пишите обо всем, мне так нравится Ваше письмо!

Конец Вашей «Офицерши»[3] мне гораздо больше нравится, чем начало. А только все-таки лучше Вам не писать статей по гинекологии.

Мы свою докторшу из ваших казачек прозвали офицершей; она сначала не одобряла это название, а потом примирилась. Видите, какие Вы слова пускаете в обиход!

До свидания, дорогой Федор Дмитриевич. Крепко жму Ваши руки и с самыми хорошими чувствами вспоминаю Вас.

Ваш А. Пешехонов.

Бориску поцелуйте за меня крепко-крепко и скажите ему, что меня очень интересует узнать от него, как он живет, как понравились ему Ваши истории (?). Мой сердечный привет Мар. Дм.[4] и поцелуй Петеру.[5]

Посылку для Бориса высылать нет денег.

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 449, л. 3—4.

[2] *Мокиевский Павел Васильевич* (1856—1928) — врач, писатель, социолог; работал заведующим отделом философии журнала «Русское богатство». В этом журнале напечатаны его статьи: «Эволюционная патология» (1892), «Вундт о гипнотизме и внушении» (1893), «Добро Владимира Соловьева» (1897), «В борьбе со смертью» (1900), «Герберт Спенсер» (1903), «Н. К. Михайловский и западная наука» (1904), «Монистическая философия Эрнста Геккеля» (1906), «К вопросу о крестьянстве, как общественной категории» (1906), «Счастливая книга несчастного автора» (1908), «Философия Анри Бергсона» (1909), «Прагматизм в философии» (1910). Отдельным изданием редакция журнала «Русское богатство» выпустила его книгу «Ценность жизни» (1894).

[3] Опубликовано: Русское богатство. 1912. № 4, 5.

[4] *Крюкова Мария Дмитриевна* (после 1882—?) — сестра писателя.

[5] Петер (Петр) — приемный сын Федора Дмитриевича. После его смерти отступил с белоказаками, был эвакуирован из Крыма в Турцию, но жизнь его на чужбине не сложилась. Казакоман, поэт, журналист и издатель, он всегда тосковал по родине, умер в эмиграции.

20. Письмо А. В. Пешехонова[1]

11/X 12 Двинск-крепость

Дорогой Федор Дмитриевич!

Ваше последнее письмо мне пришлось дважды процитировать. Был даже соблазн без кавычек кое-что оттуда взять, за свое выдать. Но совесть загрызла, да и боязно: а вдруг уличат. Очень уж хорошо Вы это описали: «как усядется по <нрзб> на дне этой самой <нрзб> нирваны, так мудрено шевельнуть рукой, ногой, головой, носом»... Как раз к нашему месту подходит. Не в пример лучше, чем к Вашему... Вы, вот, очерк в 2-х частях написали, фельетонов столько настрочили, в поездке были. А я два месяца ничем не шевелю... Ну и подлец же наш брат писатель! Жалуемся: некогда все, <нрзб> мысли разбивают И мечтает: вот кабы спокойное времечко выдалось, чтоб сосредоточиться можно было, то-то бы написал. А пошлет ему Господь-Бог укромное местечко... И он, мятежный, жаждет бури, как будто в буре есть покой (немножко переврал, но не беда). А дело просто: все лень. В этом я давно убедился, — что не мешает мне вновь и вновь проверять свое убеждение. Для писателя, хотя и плохонького, нужно нервное напряжение. От него и отлениваешь. Писать нужно, — и вот я начинаю готовиться: надо со свежими силами начинать, выспаться нужно хорошенько. Ну и завалишься спать пораньше, да еще днем уснешь. Нервное напряжение-то и не приходит. Сколько раз замечал: помешают выспаться, — и начнешь. А. Ф.[2] хорошо уж это знает. Иной раз даже предлагает: да ты на Бориса рассердись, — вот настроение и явится. И верно: если рассердишься на кого, это помогает.

Хотя бы Вы такого подлеца-писателя изобразили. Натура у Вас под рукой, — с себя писать можете. Как это Вы летом-то — а? Пойдете фельетон писать, а через полчаса появляетесь: «Ну-ка, Борис, в шахматы двинем, что ли?» А фельетон так и ждет. Право, изобразите-ка подлеца этого-самого. Не дурная ведь, бытовая картина получится, если даже в психологию и не проникать. Но кто знает? А может быть, нашему писательскому самосознанию и поможете...

А «Русскому богатству» как раз беллетристика нужна. Совсем было в уныние наши теперешние редакторы пришли: нет ничего в портфеле. Октябрь Муйжель[3] выручил. Неважная, говорят, вещь, но все-таки. На ноябрь Тан[4] обещал. А и Крюковы что-то ничего не пишут. Между тем пора бы... В этом году Вы, кажется, дали меньше обычного. А размахивались на большое... Вы тоже все готовитесь: я перед статьей отоспаться стараюсь, а Вы перед беллетристикой деньгами стараетесь запастись, чтобы хватило. Но, может быть не с того конца начинаете.

Не знаю, держит ли Вас кто в курсе наших редакц. дел. Там сейчас орудуют А. Г., А. Б. и П. В.[5] Пишут, что все идет более или менее гладко. И типографию (пришлось переменить ведь) пока одобряют. В. А. в Ялте.*[6] На днях получил, наконец, от него письмо. Пишет, что t° нормальная и даже прибавился на 4 к в весе за неделю. Рассчитывает в начале ноября быть в Питере. Но мне, казалось бы, нужно ему и ноябрь пробыть в Крыму, — очень уж это пакостный месяц в Петербурге. В. Г.[7] только что вернулся с Кавказа в Полтаву. С. Я.[8] сейчас в Питере, но уже борется с повышенной t°. Для октября он дал о Н. Ф.,[9] а дальше имеет в виду целый ряд публицистиче... (письмо не закончено. — *А. Д.*)

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 449, л. 5—6.

[2] А. Ф. — неустановленное лицо.

[3] *Муйжель Виктор Васильевич* (1880—1924) — прозаик. Публиковался в журналах «Русское богатство», «Современный мир», «Журнал для всех», «Новое слово», «Солнце России», «Огонек», «Мир Божий», «Правда» и др., в сборниках «Знание», «Вершины» и др. Издания: «Рассказы» (т. 1—4, СПб., 1908—1910), «С железом в руке, с крестом в сердце» (Пг., 1915), «Враги» (Пг., 1916), «В пути» (Пг., 1916). Собрание сочинений (т. 1—11, СПб., 1911—1912). В 1912 г. Муйжель в Печорах Псковской губернии работал над двухтомным романом «Год» и повестями «Дом на площади» и «Учительница». Повесть «Опустошение» (Русское богатство. 1913. № 10) была возвращена автору с требованием радикального сокращения, что чуть было не привело к разрыву Муйжеля с редакцией «Русского богатства» (см.: Русские писатели, 1800—1917: биографический словарь. М.: «Большая российская энциклопедия», Научно-внедренческое предприятие ФИАНИТ, 1999. Т. 4. С. 148 (статья А. А. Носова).

[4] *Тан* — псевдоним. Настоящая фамилия — *Богораз Владимир Германович* (1865—1936) — писатель, этнограф и лингвист. Один из организаторов «Кре-

---

* На всякий случай его адрес: Гимназическая, д. Москвиной, кв. Охрименко.

стьянского союза», в 1906 г. принимал участие в организации «Трудовой группы» в Первой Государственной думе (не будучи депутатом Думы). В это время написал ряд очерков и публицистических произведений народническо-пропагандистского характера.

[5] А. Г. Горнфельд, А. Б. Дерман, П. В. Мокиевский.

[6] В. А. Мякотин.

[7] В. Г. Короленко.

[8] С. Я. Елпатьевский.

[9] О Н. Ф. Анненском.

21. Письмо Л. Я. Полякова[1]

<1913>, авг. 23

Дорогой Федор Дмитриевич.

После бешеной скачки через Испанию с ее грациозными прелестными созданиями, после прелестницы Ниццы, сумбурного Монте-Карло, гордой Генуи, коллонадного Турина, после чаровницы Женевы с ее Монтре, Веве и мрачным Шильоном, после массивно-тюремного, как вагнеровские великаны, Берлина, после 5-ти дневного наслаждения отдыхом в Балычине,[2] наконец, после 2-х дневного пребывания на берегах несравненной и ни с чем несравнимой красавицы Волги, (Н.-Новгороде), я опять водворился на Суворовском, опять за тем столом, за которым и Вы творили, воплощая мысль в балетные строки. Встретил меня Питер хмуро и сердито: осенним дождем, холодом и сыростью. И так стало серо на душе, так обострила свое лезвие мысль о тщетности и бренности всей этой бестолковой житейской сутолоки, что в пору снова бежать за тридевять земель, в тридесятое царство. После такого калейдоскопа впечатлений, красотой колоритности, тончайшей культуры — и вдруг строчишь никому, собственно, не нужных статей. Провались совсем... А, главное, во всей этой белиберде, названной работой во имя каких-то высших общественных интересов, заложен самообман, да и самообман-то не возвышенный, а мелкий, эгоистичный, пляшущий перед Мамоной.

Нет, положительно вредно ездить в чужестранные земли, отдыхать и освобождаться от ярма. Пройдет месяц-другой, и эта мозоль в мозгу перестанет жить со следующего «отпуска раба».

В Балычине прочел «Со зверями».[3] Ну, знаете, бывали у Вас, в «Р. Б.», неудачные вещи, а сие произведение перещеголяло, рекорд побило. Уж больно сердце то у Вас податливое — не будь станичником, поплыла бы рукопись под бандеролькой обратным маршем. Хотя, черт знает, на зверей мода пошла в литературе: в «Сов. М.», в июльской тоже книжке, первый рассказ «Не ровен час» — про медведей,[4] в последнем Лет<учем> Альманахе рассказ Куприна про слона.[5] Очевидно, человечество теряет в глазах современной литературы, достойное и привлекательное.

Мысль о Распопине[6] успешно оседает в моем мозгу, и я уверен, что донские сазаны, чекамасы[7] и чехонь начнет уже трепетать, предчувствуя нашествие такого рыбака, как я. Написал отцу, чтобы мне арендовали озеро «Царица»[8] (в озере у нас без сего ставить сети не разрешается), купили бы лодку-баркас.

Словом, манит наказать голавлей и пожалеть водное население Дона. Смотрите, еще рассказ напишу из рыбьей жизни — то-то и криминально и занятно будет, потому все герои без слов, немы как рыбы. Вы своим письмом положительно раздразнили меня — покупался бы и я в лучах нашего горячего солнышка, послушал бы задумчивый шелест пшеничного колоса (он особенный — прислушайтесь когда-нибудь), налопался бы, что называется, арбузов, да тех, которые известны у нас под именами «красноярские». А Иван Яков., которого я обещал взять с собой, кажется, уже и удочки готовит.

А ведь все-таки странно как-то складывается жизнь — не успел прожить лето, как мечтание о будущем. Может быть, и лучше — легче будет перешагнуть 8 месяцев томительной скуки, серой бестолковой жизни. Может быть, мечтание, конечно, значительно приукрашено и спасает от окончательного погрязания в болото житейское. Словом, все «может быть», а что действительно есть и будет на самом деле — сие, Господи, веси...

В деревне у меня не все удачно — неурожай и придется нашим стрячком поползать. За 5 дней последнего пребывания написал в «Сев.-Зап. Гол.»[9] открытое письмо Земству о надвигающемся голоде, губернатору письмо о стараниях уездной администрации замолчать действительность. Что из этого выйдет — не знаю. Видимо, ничего и репутация беспокойного человека укрепится еще более. Выборы в Думу еще свежи в их памяти, и тот, который шел со мной, понес уже кару. Ну, а меня им придется глотать «ерша с хвоста», боятся подавиться. Стараются теперь взять катанием — в мое отсутствие оштрафовали Яшу на 25 руб. за неразрешенное хранение револьвера, хотя от СПб. Градоначальника есть заверение «Нам СПб. градоначальник не указчик — у нас свое обязательное постановление». Строчу предерзкое письмо губернатору, пусть подавится моими 25 руб.

Будьте здоровы, не забывайте обещание приехать прямо ко мне, иначе ни сундука не получите, ни заграничного подарка.

Обнимаю Вас, привет М. Дм., а Петера поздравляю с началом серьезных <?> занятий.

Любящий Вас Л. Пол.

Завтра постараюсь навести у Геделина справку насчет Вашего единоутробного.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 455. Корреспондент Крюкова, подписавший свое письмо Л. Пол., вероятно, *Поляков Лазарь Яковлевич* (1851—1927) — действи-

тельный статский советник, гражданский инженер. Происходил из дворян Области Войска Донского.

[2] Балычина — возвышенное место в деревне Неглюбка Ветковского района (Гомельская область, Беларусь), между озером и Хутором.

[3] Рассказ А. С. Серафимовича «Со зверями» (Русское богатство. 1913. № 7).

[4] Рассказ Н. М. Матвеева «Не ровен час» (Современный мир. 1913. № 7). *Матвеев Николай Петрович* (1865—1941) — поэт, прозаик, журналист.

[5] Рассказ А. И. Куприна «Слоновая прогулка» (Летучие альманахи. М.: Книгоизд-во «Рубикон», 1913. Вып. V).

[6] Имеется в виду станица Распопинская Усть-Медведицкого округа или, скорее, озеро Распопино.

[7] Чекамас — местное названия речного окуня на Дону.

[8] Вероятно, речь идет не об озере, а о Донской Царице — левом притоке Дона.

[9] «Северо-западный голос» — ежедневная политическая, научно-литературная и общественная газета, выходившая с1905 по 1914 г.

22. Письмо А. П. Попова[1]

7 мая 1915 г.

Многоуважаемый Ф. Д. (имени-отчества Вашего, к сожалению, не знаю). Приношу большую благодарность за Ваше внимательное и доброжелательное письмо, по поводу возвращенного мне редакцией очерка «Жалость. Народная *сатира*». Конечно, я воспользуюсь и Вашими советами, и дозволением еще раз попробовать свои силы в редакции дорогого мне журнала.

Если память Ваша сохранила, хоть в общих чертах, содержание моего очерка, уделите мне, пожалуйста, 10 минут Вашего времени и позвольте объясниться. Вы писали мне, что «сатира должна иметь объектами явления в общественном отношении более значительные, чем мужицкая толстокожесть»... И это меня очень задело, потому что я в очерке совсем не имел в виду обличение народа в тупоголовости, а *совершенно наоборот*. Я озаглавил очерк — «народная сатира» не в смысле: сатира для народа, как у нас пишут народные рассказы для народа, а как литературную обработку подлинного народного повествования... Хотелось отметить зарождающиеся сознательные отношения народа к явлениям для крестьян совсем не незначительным: к всевозможным бестолковым сочувствованиям, слащавым проповедям, поучениям; литературным, религиозным, толстовским (только вчера прочитал воззвание Петроградского родительского кружка к молодежи: использовать каникулы для помощи солдаткам *в страду*! Ведь кто знает условия крестьянской страды, тот поймет значение *помощи* молодежи, «с попутной записью песен и сказаний»). И в наше ужасное время народу приходится на каждом шагу встречаться с назойливыми сочувственниками, сделавшими из сочувствия забаву и спорт.

Если б мне удалось выразить свою мысль в более совершенной форме, может быть, мой очерк имел бы некоторое литературное значение... И я не «мудрствовал лукаво», как Вы заметили. Я пользовался материалами, взятыми из современных народных бесед, рассказов, разговоров, в будничной обстановке, между собой и по душам. Три раза переписал я свой очерк, воздерживаясь от посылки в журнал целый год и проверяя каждое предложение, работая над взятым мною слогом, примитивно-грубоватой, наивно-прямолинейной (поэтому, конечно, с подчеркиванием, с точками над и, но едва ли с утрировкой) народной *сатиры,* как сумел подметить ее в современной народной речи. И язык очерка не народный разговорный язык, а именно повествовательный, язык народных рассказчиков, кстати, мастеров своего дела.

Если б я, как хотел сначала, сопроводил свой очерк пояснениями, думается мне, уважаемая редакция, несмотря на несовершенство очерка, уделила бы моей работе уголок, хотя бы в летних книжках журнала, так как, конечно, и редакцию интересует, и дорога ей каждая искра, малейший проблеск сознательности в духовной жизни народа.

Дорогой учитель Владимир Галактионович, в тех случаях, когда труд маленького писателя оказывался не совсем безнадежным, часто предлагал свою помощь и, каюсь, я лично бессовестно пользовался такой помощью большого человека. И от лица многих литературных чернорабочих обращаюсь к членам редакции бывшего Русс. Бог. с искренней просьбой в требуемых случаях не стесняться исправлением получаемых очерков и др. работ. Без такой помощи нам, затерянным в беспросветной глуши, не прожить. Мы не только не обижаемся, как и самыми огорчительными письмами, но очень ценим всякое участие.

Искренно преданный А. П. Попов

Шумовка. Симб. г.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 450, л. 1—2.

23. Письмо П. Г. Саломатина[1]

<19 13/2 13 г.>

Многоуважаемый Федор Дмитриевич!

Я мог получить Ваше любезное письмо только три дня назад... «Добрые слова — лучше мягкого пирога», — всякая досада на вторичную неудачу в «Русск. Бог.» Балабана испаряется от Вашего письма. Я, впрочем, и не хотел «без драки попасть в большие забияки»,[2] с меня уже достаточно и того, что глубоко уважаемая мной редакция «Русск. Бог.» терпеливо и внимательно отнеслась к первому моему опыту.

Я сам не закрываю глаз на свои недочеты в своих литературн. занятиях и пока прихожу к заключению, что я был пригоден как публицист, — в этой области я уже дебютировал в «Шк. и Жизни», «Своб. Воспит.», «Семейн. Воспит.», «Народн. Учителе» — педагог и, пожалуй, рецензент о книгах — «Вестн. Воспит.». Педагогика мне знакома по моей профессии и глубоко меня интересует, и вышеупомянутые редакции очень лестно отзывались о моих статьях. За публицистику я и уволен с должности народного учителя — № 40 «Шк. и Ж.» 1911 г. «Донской», «Народный учитель и священник», — сдан в солдаты без предварительной отставки и до сего дня не могу получить прочного заработка и мн. др., — за литературный блуд меня уволили без права поступить в школы Тульской губ., а потом оказалось, и по всей России, ибо обо мне не дают удовлетвор. отзыва с места моей прежней службы, — поэтому мне ничего не остается как грешить прежним грехом. Возможно, я овладею и беллетристикой, но для этого нужно время, спокойная работа и. и... обеспеченное положение, а мне приходится благодарить своих гонителей, хоть жену еще держат на должности учительницы. Сжатые картинки с натуры мне удаются, а о большой литературе «мы лучше помолчим» пока. «Балабан» был написан поспешно, в промежутке между большой работой по борьбе с пьянством, которая, к сожалению, отняла у меня очень много времени, но вероятно не явится на свет, ибо глава «Посредника» Ив. Ив. Горбунов-Посадов,[3] — с которым я лично знаком, был и жил в Москве у него, — *третий год* обнадеживает меня напечатать мою работу «Противоалкогольный задачник», который сам одобрил и вызвался печатать, но пока ничего не доставляет мне кроме расходов по переписке с ним и личных свиданиях. У него милые манеры давать кучу обещаний при личном свидании, не сдерживать ни одного, и отвечать однажды из десяти писем к нему. В конце концов он превосходный человек, только едва не до самоубийства довел меня, и пока не отвечает на седьмое мое письмо, после радушного гостеприимства, оказанного мне в октябре прошедш. года, и я не знаю ничего о судьбе своих рукописей — около 20 тетрадей: задачник, хрестоматия, статьи для «Своб. Вос.», книжка в противоалк. литер. — все одобренное уже им и только несколько мною по его указ. переправленное. Весь этот нелепый труд, как я провижу, придется мне положить сверху «Балабана», а это отняло у меня, ах как много... ... всего! Я разнылся, как питерская селедочница, но считаю своим долгом доложить свою биографию, чтобы Вы убедились, какой я неунывающий россиянин. Как видите, я «не робею», но только «ищу себя», и терплю убытки пока. Я останавливаюсь на публицистике и недели через две закончу... новую книгу о народном учителе! «Как живет и работает н. у.». Сюда вошли мои личные наблюдения почти за восемь лет, и все я подкрепил газетными фактами, собранными за несколько лет. Получился обвинительный акт на гонителей просвещения. Эту вещь я желал бы

издать отдельной книжкой, и буду искать издателя — только не вроде Ив. Ив. Горбунова! — пока еще не решил, к кому обратиться — Сытин[4] заранее уже мне отказал, хотя я только сделал запрос, совершенно не упоминая, что за вещь у меня. — Если удастся пристроить, получить мзду за вдохновение, тогда возьмусь за работу специально для «Русск. Бог.»: у меня, за время моих скитаний по деревням накопилось много впечатлений о правовом положении провинциального обывателя, и мне хотелось бы дать ряд картинок об этом. План у меня уже накидан: «Без законов», «Слухи», Урядник, Предводитель, и т. п. небольшие вещички, срисованные мною с натуры непосредственно, без всякого вымысла, где фигурирует «униженный и оскорбленный» обыватель, вынужденный молчать страха ради. В деревне нашими властями творится так много неправды, что сердце обливается кровью. Закон так нахально попирается, что родится мысль о полном отсутствии его для людей подвластных. — Если же не удастся пристроить об учителе, придется на неопределенное время сгинуть и увязнуть «в заботах суетного света»[5]...

На что я все это наболтал Вам, Федор Дмитриевич... Я был очень доволен ободряющим тоном Вашего письма, вот и выболтал. Потом в некотором отношении мы с Вами «родня»: Вы педагог и я, Вы с Дона снизу, я сверху. Епифань[6] стоит на самом Дону, а «Иван-озеро»,[7] откуда он вытекает, в тридцати верстах от города.

Я бывал здесь дважды и шлю Вам привет от него, от батьки *Тихого Дона* (притом же и благонамеренного не в братца Шата, что течет отсюда же).

Кланяюсь в лице Вашем и всей Редакции глубокоуважаемого мною «Русского Богатства». Я давно читаю последнее, хотя еще ни разу не был Вашим подписчиком. Простите за хлопоты, что доставил Вам, а равно и за поспешное изложение, обусловленное случаем на почте. — Я живу в деревне в 15 в. от города и почты.

Остаюсь с благодарностью и уважением

П. Саломатин

19 13/2 13 г.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 451, л. 1—2. Известно полное имя автора — Пантелеймон Григорьевич.

[2] Цитата из басни И. А. Крылова «Слон и Моська» (1808).

[3] *Горбунов-Посадов* (наст. фам. *Горбунов) Иван Иванович* (1864—1940) — писатель, педагог, редактор и издатель книг и журналов для детей. Также известен как один из ближайших сподвижников Л. Н. Толстого.

[4] *Сытин Иван Дмитриевич* (1851—1934) — предприниматель, книгоиздатель и просветитель, основатель первого издательства литературы массовыми тиражами «Посредник». В сферу его издательских интересов входили все сегменты книжного рынка — от учебников и книг для детей до энциклопедий и собраний сочинений классиков художественной литературы. Выпускал как популярные периоди-

ческие издания — «Вокруг света», «Искры», так и малоизвестные — «Хирургия», «Правда Божия»; был владельцем общероссийской газеты «Русское слово».

[5] Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт» (1827).

[6] Епифань — поселок на левом берегу Дона, в 78 км к юго-востоку от Тулы.

[7] Иван-озеро — село в 49 км от Тулы, располагалось на берегу одноименного озера, из которого вытекали две реки, Дон и Шат.

24. Письмо А. С. Попова (Серафимовича)[1]

1912 г., февр. 14
Новочеркасск Атаманская 44

Здравствуйте, дорогой Федор Дмитрич, так мне и не удалось повидаться, перед отъездом.

Засел я теперь в Новочеркасске.[4] Валит снег вот уж сколько суток бесперечь. Знаете, как бывает у нас иной раз в феврале, что завалит все курени под крыши.

Сыны мои[3] радуются, ибо таскаемся на лыжах, а народ дивуется чуду и покатывается со смеху.

В Петербурге буду, вероятно, в марте. Приходится ехать, ругаться с «Шиповником»,[4] — зарезали они меня; об одном молю судьбу — выбраться из их лап.

Как Вам ездилось на Дон? Черкнули ли материалу?

Я все время бездельничал, только теперь принимаюсь за работу.

Если не затруднит, могу попросить Вас узнать в «Русск. Бог.», в каком положении рассказ брата.[5] Молчат, как воды в рот набрали. Простите, что затрудняю.

Крепко жму руку.

Ваш А. С. Попов.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 452, л. 1. *Попов* (псевдоним *Серафимо́вич) Александр Серафимович* (1863—1949) — писатель, журналист, во время Первой мировой войны с 1914 г. — военный корреспондент газеты «Русские ведомости». Соученик Крюкова в Усть-Медведицкой гимназии (выпуск 1883 г.). В 1933 г. станица Усть-Медведицкая переименована в Серафимович.

[2] Серафимович жил в Новочеркасске с 1892 г., работал в газетах «Приазовский край» и «Донская речь».

[3] Серафимович был женат на коренной казачке *Ксении Александровне Петровой*. В семье воспитывались два сына: *Анатолий* (1899 — погиб на Гражданской войне) и *Игорь* (1903—1981).

[4] «Шиповник» — издательство, основанное в Санкт-Петербурге в сентябре 1906 г. скрипачом С. Ю. Копельманом (1881—1944) и художником-карикатуристом З. И. Гржебиным (1877—1929). С 1910 г. располагалось в квартире № 1 доходного дома А. Я. Барышникова (ныне ул. Марата, 31). Пик его деятельности приходился на 1911 — начало 1912 г.

[5] *Попов* (псевдоним — *Дубовской*) *Вениамин Серафимович* (1874—1942) — младший брат А. С. Серафимовича. Печататься начал в 1901 году. Первые его произве-

дения были опубликованы в газете «Донская речь». Позже сотрудничал с журналами «Русское богатство» и «Современный мир», на страницах которых стали появляться его рассказы. В 1904—1905 гг. участвовал в революционных газетах, в 1906—1907 гг. сотрудничал с большевистскими изданиями, с 1914 г. — в «Правде». В письме речь идет о рассказе «Волки», который будет опубликован в «Русском богатстве» (1912. № 4).

25. Письмо Н. С. Русанова[1]

<На бланке журнала «Русское богатство»>

26 июня/9 июля 1914 г.

Дорогой Федор Дмитриевич, не беспокойтесь за судьбу архива: он у меня с квартиры никуда не пропадет. Телеграфирую другому, менее «молодому другу» о немедленном же переносе его в редакцию. В случае, если к тому времени, когда это письмо будет получено Вами, архив еще не будет в Р. Б., попрошу Вас, милый Федор Дмитриевич, малость потрудиться и, явившись к моему швейцару с прилагаемой карточкой, войти ко мне в квартиру и забрать архив, равно как статью (лежащую на нем) о бельгийском школьном законе.[2] Архив Вы сейчас же найдете: он находится в моем кабинете на полке за канапе и бросится Вам в глаза своими папками, их целый ряд. Всем вам простираю дружеские объятия.

Черт бы побрал Майского:[3] охоты знакомиться с ним нет никакой, да делать нечего. Мюнхен километров 250 от Киссингена, — наверное приедет лично жаловаться о порче «гармонии стиля». А насчет либерализма на себя не могу взять ответственности, что ему ответить. Как думает редакция? Я боюсь, что он, сближая немецкий либерализм, ввахнет что-нибудь непотребное.

Преданный Вам Ник. Русанов.

Текст на визитной карточке: «Николай Сергеевич Русанов (Н. Е. Кудрин)»

Александр, прошу Вас впустить моего товарища по редакции «Русского Богатства», Федора Дмитриевича Крюкова, или кому он поручит, чтобы взять нужные бумаги на моей квартире.

Ник. Русанов. Киссинген. 26 июня / 9 июля 1914. Широкая, 9, кв. 12.

На обороте: Передать Шветухру... Александру. Широкая, д. № 12.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 409, л. 1. Визитная карточка — на л. 2. О Н. С. Русанове (псевдоним Н. Е. Кудрин) см. письмо Крюкова ему (№ 10), примеч. 1.

[2] Имеется в виду закон от 19 мая 1914 г. об обязательном начальном образовании в Бельгии.

[3] *Майский Иван Михайлович* (наст. имя и фам. — *Ян Ляховецкий*; 1884—1975) — дипломат, историк и публицист. Учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета (в 1902 г. исключен). В 1903 г. вступил в РСДРП, меньшевик. Участвовал в революционной работе в Самаре и Саратове. В 1908 г. эмигрировал в Швейцарию, а затем в Германию, окончил экономический факультет Мюнхенского университета. В 1912 г. уехал в Великобританию. В мае 1917 г. вернулся в Россию, работал в аппарате Петроградского совета. В 1918 г. во время существования «Самарской директории» занимал пост управляющего ведомством труда. В сентябре 1918 г. выведен из состава ЦК и исключен из РСДРП.

26. Письмо В. Н. Цеховской[1]

19 27/1 12

Исполняю свое обещание и посылаю Вам, многоуважаемый Федор Дмитриевич, рецензию Киевской мысли. Хоть это и неловко, — угощать автора. —

Да еще и избалованного хвалами, подобными отзывами, — но давший слово, держись.

Всего хорошего

В. Цеховская

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 453, л. 1. *Цеховская* (урожд. *Меньшикова;* псевдоним — *Ольнем*) *Варвара Николаевна* (1872—1942) — прозаик. Ее рассказы печатались в «Киевском слове», «Образовании», «Вестнике Европы» (1910), «Русской Мысли» (1910) и больше всего в «Русском богатстве» (1899—1914). Современники соотносили перо В. Н. Цеховской с творчеством писателей чеховского направления. Однако она сама считала себя ученицей и литературной крестницей В. Г. Короленко.

27. Письмо Варвары Ш.[1]

1915 г., июля 19

Федор Дмитриевич!

Наверное, вы удивитесь, когда получите мое послание. Давно уже с вами не болтала, вы мне не ответили на последнее письмо, а я, конечно, рассердилась и все время хотела вас поругать, а потом забыла, так и пошло. Нечаянно вспомнила и пишу. Расскажу вам подробное свое житье, кончив курсы в Туле, я была некоторое время без места и без гроша денег, но место мне все время обещали, потом получила от вас деньги, за что вам очень благодарна, было чем расплатиться за квартиру. Конечно, самочувствие было не завидное, целыми днями слоняться по городу и просить место, а там так получилось, кто на курсах работал больше всех, тому места не оказалось, а разные ба-

рыньки, которые там толкались, флиртовали, и только портили репутацию другим, тем нашлись места и на хорошее жалованье, страшно было обидно, что у нас все так делается, кто действительно ходил работать и всецело поглощен был этим делом, тот жди, ходи проси, кланяйся этим проклятым мироедам. Но все это прошло в область преданий. Я, конечно, из Тулы не уехала бы до тех пор, пока не получила места, но вдруг получаю от Алеши телеграмму, что Лиза умирает, я сейчас же уехала к ним, она, конечно, не умерла, а выздоровела, а я осталась у них. Он, т. е. Алекс., служит на Руднике Парамонова в больнице смотрителем, получает 50 р., стол и квартиру. А я покамест тоже пристроилась здесь сестрою при больнице, хотя здесь в больнице сестер не полагается, но за неимением фельдшера я работаю, получаю 25 р., стол и комнату, материально я вполне обеспечена, а нравственно — нет. Мне до страсти хочется на войну, я даже не знаю, что это за желание, и зачем оно на все время оно меня мучает, почему-то, мне кажется, я должна там быть. Хочется работать, хочется хоть капельку принести пользу.

Подавала прошение в Ростов на имя Начальн. распределительного пункта, он мне ответил — не имеет права, еще подала врачебному инспектору, этот уже месяц ничего не отвечает, и вот сижу и кисну, жду у моря погоды. Работы здесь мне очень мало, с восьми и до 2-х я занята, а остальное время свободна и не дежурю, время много свободного, да девать некуда, скучища страшная, каждый день вспоминаю Глазуновскую, ваш сад, конечно, и вас, хотя не знаю, где вы, пишу в Петрог., а вы, может быть, дома блаженствуете и распеваете песни, хоть бы один вечер побыть там, тянет страшно. Если можно, то напишите, как поживаете.

Адрес: Алек.-Груш. Власовская больница. Мне напишите, буду ждать.

Варя Ш.

19/7 15.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 287, л. 1—2. *Ш. Варвара*, как следует из письма, — знакомая Крюкова по Глазуновской станице.

28. Письмо Р. Ф. Якубович[1]

Б. г., 27-ое февраля

Глубокоуважаемый
Федор Дмитриевич!

Спасибо вам за память и за книжку, которую мне очень приятно иметь у себя и которой я желаю полного успеха.

Дима[2] просит передать Вам поклон от него.
Жму руку.
Искренне уважающая Вас,
Р. Якубович.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 454, л. 1. *Якубович* (урожд. *Франк*) *Роза Федоровна* (1861—1922) — революционерка, народница. Из семьи адвоката. Слушательницей женских врачебных курсов в Санкт-Петербурге познакомилась с П. Ф. Якубовичем в 1881 г. Была арестована в ноябре 1884 г. Жандармским дознанием было установлено, что она получила телеграмму от Петра Якубовича, в отношении которого велось следствие. Этого было достаточно, чтобы Розу после долгого содержания в тюрьме административно сослали в 1888 г. на три года в Якутскую область. Участница Якутской трагедии 22 марта 1889 г. Военно-судебной комиссией приговорена к 15 годам каторжных работ. Затем 15 лет каторги были уменьшены до 4 лет. Срок отбывала в вилюйской тюрьме. В 1894 г. она получила возможность поселиться вместе с П. Ф. Якубовичем. В 1894 г., в Горном Зерентуе, вышла за него замуж. С того времени уже не расставалась с Петром Филипповичем и была неутомимым помощником в его литературном труде. В 1918 г. ввиду болезни переехала с сыном из Петрограда на юг к родственникам, где и умерла.

[2] Сын ее — *Якубович Дмитрий Петрович* (1897—1940), впоследствии известный литературовед, текстолог, пушкинист, доктор филологических наук, ученый секретарь Пушкинской комиссии.

Библиографический список

1. *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома: исторический очерк. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
2. *Короленко В. Г.* Избранные письма: в 3 т. М.: Художественная литература, 1932. Т. 2.
3. Переписка между Ф. Д. Крюковым и А. С. Серафимовичем / вступ. статья, подгот. текста и коммент. В. М. Проскурина // Волга. 1988. № 2.
4. Письма В. Г. Короленко к Горнфельду. Л.: «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1924.
5. Русские писатели, 1800—1917: биографический словарь. М.: Советская энциклопедия (Большая российская энциклопедия) [и др.], 1989—1999. Т. 1—4.
6. *Тыркова-Вильямс А. В.* На путях к свободе. М.: Московская школа политических исследований, 2007.
7. *Чуваков В. Н.* Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь. М.: Олма-Пресс, 2005. Т. 1.